

■ Федор Успенский ■

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Эпоха смут

*«С началом VII в. ...открывается новая эпоха в истории
Византии, полагающая границу между старым и вновь
народившимся историческим движением...»*

Федор Успенский

**История Византийской
империи. Эпоха смут**

«Издательство АСТ»

1927

Успенский Ф. И.

История Византийской империи. Эпоха смут / Ф. И. Успенский —
«Издательство АСТ», 1927

Второй том (Эпоха смут) настоящего издания охватывает период византийской истории от времени правления Ираклия до воцарения Михаила III и восстановления в империи православия (VII–IX вв.). Крупнейший византинист Ф.И. Успенский в своем увлекательном повествовании погружает читателя в бурные события, происходившие в Византии, – борьбу за светскую и духовную власть, наполненную интригами, предательством и убийствами.

© Успенский Ф. И., 1927

© Издательство АСТ, 1927

Содержание

Период III (610–716 гг.)	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	22
Глава IV	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Федор Успенский

История Византийской империи. Эпоха смут

Период III (610–716 гг.)

Ираклий и его преемники

Глава I

Общая характеристика. Военные приготовления.

Происхождение фемного устройства

С началом VII в. в истории Византии можно наметить не только определенные факты, служащие показателем окончательного разрыва с римскими традициями и идеалами, но вместе с тем в характере и настроении государственных деятелей и общества встретить новые черты, принесенные новыми людьми и новыми взглядами. Царствование Ираклия открывает новую эпоху в истории Византии, полагающую границу между старым и вновь народившимся историческим движением. Но представить в надлежащем освещении характер деятельности Ираклия чрезвычайно затрудняет как скудость дошедших до нас сведений об его внутренней деятельности, так и то обстоятельство, что новые элементы государственности, постепенно входящие в жизнь с этого времени, не нашли себе ни надлежащей оценки, ни определенного места в исторических изложениях.

Византия времени Ираклия не походит на империю времени Юстиниана. Необычайное напряжение сил при Юстиниане имело целью воскресить идею Римской империи и связать разнообразные народности, входящие в империю, единством веры и закона; эта мысль была практически осуществлена благодаря необычайной энергии Юстиниана, равно как искусству его оценивать людей и давать им соответствующие их способностям поручения. Но в самой идее всемирной империи не было жизненности, и создание Юстиниана в политическом отношении не было долговечным. Напротив, задача Ираклия была определенная и конкретная, речь шла не о новых завоеваниях, а о средствах к сохранению того, что было можно спасти от разрушения. Предыдущая эпоха военных возмущений, вследствие которых на престоле императоров часто были случайные люди, достигшие высшей власти по капризу судьбы, сопровождалась крайним расстройством экономических средств, падением благосостояния, уменьшением армии и истреблением громадного числа людей, в особенности из достаточных и правящих классов. Есть известие, что Ираклий, делая перепись состава своей армии, нашел, что только двое из всего наличного числа служили при Фоке, а весь состав принадлежал к новому набору. Это наблюдение приложимо и к другим состояниям. Первое время по своему воцарении Ираклий находится в колебании. Решительных мер правительство не принимает, вступить в решительную борьбу с врагами империи не решается и ведет переговоры о мире и союзе, не имевшие, впрочем, успеха. Только в 622 г., когда Малая Азия, Сирия, Палестина и Египет находились уже под властью персов, Ираклий выступает с определенной внешней политикой и становится во главе вновь организованного и им самим подготовленного войска. Итак, для нас остается малопонятым предварительный период подготовки к военной деятельности.

О том, откуда Ираклий взял средства на войну и каким образом приготовил он войско, способное выносить невероятные тяжести службы в войне с персами, лучшую страничку

дает писатель Феофан: «В 622 г., апреля 4, отпраздновав Пасху, в понедельник вечером Ираклий выступил в поход против персов. Находясь в крайней нужде, он позаимствовал денежные средства из церквей и монастырей, из Великой церкви приказал отобрать паникадила и другие церковные сосуды и начеканил из них золотой и мелкой разменной монеты. Для управления делами за своим отсутствием назначил регентство, в которое вошли, кроме его сына, патриарх Сергей и патрикий Вон, муж тонкого ума и умудренный разумом и опытностью. Отправив письмо к кагану аварскому, просил его оказать внимание к Ромэйскому царству, с которым заключил союз дружбы, и назначил его опекуном своего сына. Из столицы Ираклий держал путь морем на местность, называемую Пилы¹, откуда пришедши в области, получившие фемное устройство², собрал войско в лагерь и стал учить его военной службе по новой системе, упражняя его в гимнастике и в военном искусстве. Разделив отряд на две части, приказал делать им между собой примерные бескровные стычки и приучал их к военным крикам, и пэанам, и восклицаниям, и движениям, имея целью, чтобы они, когда наступит военное время, не казались новичками, но смело, как бы в шутку, шли на неприятеля. Нашедши же войско доведенным до состояния большой распущенности и трусливости, упадка дисциплины и порядка и рассеянным по разным местам, он скоро соединил всех воедино» [1].

Писатель еще раз возвращается к описанию военных упражнений на два строя с примерными сражениями при звуках труб и при ударах щитами, из чего можно заключить, что у него в распоряжении был значительный материал для этой стороны деятельности Ираклия. Но в приведенной выдержке самое интересное есть место о фемах, – термин, в первый раз встречающийся в историографии и обозначающий крупную реформу, относящуюся к гражданской и военной администрации. Разделение империи на фемы является при Ираклии уже фактом вполне определившимся и действующим на практике. Очень любопытно и то обстоятельство, что реформы в военной науке, с которыми знакомит нас Феофан, поставлены в соотношение с фемами. Это совершенно правильный взгляд, т. к. устройством фем достигались прежде всего военные цели, и реорганизация армии обуславливалась особым устройством гражданского населения в тех административно-военных округах, которые назывались фемами. Итак, мы намечаем здесь один из важных моментов подготовительной деятельности Ираклия, которой посвящены были первые десять лет его царствования; это военная и гражданская реформа, выразившаяся в устройстве фем. Независимо от того, у Феофана есть намек на ряд других мероприятий, которыми Ираклий пытался обеспечить себе успех в военных предприятиях, составлявших цель его жизни. Таков, между прочим, вопрос о регентстве и в особенности о престолонаследии.

Не только естественное чувство привязанности к родственникам руководило Ираклием в раздаче высших титулов и должностей, но и недостаток в людях, т. к. большинство родовитых и состоятельных лиц было или уничтожено, или ослаблено пытками, конфискациями имуществ, заточениями и убийствами. Так, вокруг трона мы видим родственников Ираклия. Достоинство куропалата пожаловано брату его Феодору, двоюродный брат Никита был главной опорой царства. Только Приск, зять Фоки, остался в милости при Ираклии из посторонних лиц, да и то на короткое время. С особым вниманием он озаботился устройством судьбы своей семьи. Дочь свою Елифанию, рожденную от первой жены, он назначил августой, точно так же венчал на царство в первые годы по воцарении малолетнего сына своего Константина. Может быть, тем же мотивом укрепления собственной династии объясняется наделавший большого шума брак его с собственной племянницей Мариной, дочерью сестры Марии. Царица Марина оказалась, однако, не на высоте положения. В трудную минуту жизни Ираклия она далеко не под-

¹ Вифинский город в заливе Astakos близ Никомидии.

² εὐτελευθεν δὲ ἐπὶ ταῖς τῶν θεμάτων χώραις ἀφικόμενος. До какой степени смутны представления о том времени, доказывает латинский перевод этого места. Illinc vero per ceteras regiones sibi subiectas profectus.

держала его, как прежде Феодора Юстиниана, а, напротив, по ее внушениям Ираклий принял малодушное решение перенести свою столицу в Карфаген в 618 г., когда обстоятельства сложились в Константинополе в высшей степени неблагоприятно, и только настойчивость патриарха Сергия помешала исполнению этого решения.

При вступлении Ираклия на престол политическое положение империи было отчаянное. Северные провинции империи были наводнены славянами и аварами. Ираклий сразу оценил здесь положение и принял ряд мер, имевших капитальное значение для ближайших столетий на Балканском полуострове. Он прежде всего понял, что империи не следует бесплодно тратить сил на борьбу со славянской иммиграцией; отказавшись от областей, занятых славянами, Ираклий нашел в себе довольно государственной мудрости, чтобы оставить славян в покое до того времени, пока империя не соберется с силами и не сможет начать с ними культурную и политическую борьбу.

Главное внимание обращено было на Восток, где под властью Хосроя II Персидская империя обнаружила громадное напряжение и завоевательную силу, отняв у Византии на протяжении нескольких лет Сирию, Палестину и Египет и нанеся христианской империи невероятное нравственное поражение тем, что огнепоклонники овладели Животворящим древом креста Христова. В период от 622 по 628 г. Ираклий в несколько походов на Восток достиг таких успехов, что персы отказались от своих завоеваний в Египте, Сирии и Палестине и получили такой удар, от которого никогда не оправились. Среди преемников Юстиниана Ираклий стоит выше всех.

Еще в конце IV в., когда имперская армия была наводнена варварскими отрядами и когда германо-готы угрожали заполнить самую столицу, начали подниматься голоса патриотов в пользу национализации войска. «Война для защиты государства, – говорил в своей речи к Аркадию епископ Птолемаиды Синесий, – не может с успехом вестись иностранными войсками. Берите защитников отечества с собственных полей и из подвластных городов, ибо в них вы найдете настоящую охрану того государственного порядка и тех законов, в которых сами они родились и воспитались. Разве не усматривается крайней опасности в том, что те чуждые нам военные люди, которым вверена защита нашей страны, могут захотеть наложить свою власть на безоружное население? Постарайтесь же умножить собственные полки, вместе с этим поднимется и народный дух, который с успехом выдержит борьбу с варварским вторжением» [2].

Перейти от системы найма иностранных отрядов к национальному войску, однако, не удалось византийскому правительству ни в V, ни в VI в. При Юстиниане, когда империя развила до самых крайних пределов свою военную силу, блестящие военные дела выполнены были под предводительством Велисария, Нарсеса и других полководцев не национальным войском, а наемниками из разных народов, вступавших в особый договор с империей и носивших имя федератов. Почти у каждого предводителя юстиниановского времени была собственная дружина из нанятых на службу иностранцев, которые как личная свита в качестве оруженосцев служили ядром войска. Последний случай найма в военную службу большого иноземного отряда относится к царствованию Тиверия (578–582), составившего особый корпус в 15 тыс. человек, который был им поручен Маврикию, комиту федератов, впоследствии провозглашенному царем.

Сознание неудовлетворительности этой системы и громадная опасность для империи со стороны персов и славян побуждали правительство делать попытки к изменению военной системы. Разрешить этот вопрос удалось, однако, не сразу. На том пути, по которому готовилась реформа военного дела, византийское правительство должно было считаться с двумя обстоятельствами: с недостатком населения, в особенности на границах, угрожаемых неприятельскими вторжениями, и с обилием пустопорожних незанятых и необработанных земель. В административном отношении центральному правительству предстояло отказаться от гос-

подствовавшей со времени реформ Диоклетиана и Константина системы отделения гражданской и военной власти и усилить свои органы в провинции соединением в одном лице военной команды над местными военными людьми и гражданской власти над населением определенной территории. В этом отношении весьма любопытно проследить подготовительные мероприятия к новой системе, отмеченные еще до времени Ираклия.

Признаки новых взглядов обнаруживаются частью в единичных попытках Юстиниана I реформировать военное дело. К подобному заключению приводит рассмотрение его мероприятий по организации провинции Армении, о которых сообщают историки Малала, Феофан и Кедрин [3]. Сравнивая между собой три версии названных писателей насчет распоряжений Юстиниана в Армении, мы можем себе представлять дело в следующем виде.

В провинции Армении, которая имела особенную важность ради соседства с Персией, Юстиниан сосредоточил военную власть в одном лице с титулом стратилата. Но как оседлого населения в провинции, которое участвовало бы в несении военной службы, было мало, ибо армяне «отличались бродяжничеством и непостоянством» [4], то состав военных частей усилен был четырьмя полками, вызванными из Анатолика. Самыми существенными, однако, нужно признать те меры, которыми предусматривалось привлечение к военной службе местных элементов, важность которых определялась знанием путей сообщения в Армении. В военную службу или в военные списки занесены были, кроме того, гражданские чиновники области. Как ни сухо известие о военной организации Армении, из него можно вывести следующие заключения: Юстинианом или, может быть, его преемниками сделана попытка сосредоточения военной власти в одних руках, туземное население привлекалось к отбыванию воинской повинности, гражданская власть частью становилась в подчинение военной, частью отдельные гражданские чины переименовывались в военные. Та же цель усиления провинциальной власти на случай исключительных обстоятельств диктовала византийскому правительству другое мероприятие, которым необычно усиливалась гражданская власть возложением на нее военных полномочий. Эта мера проведена была в Египет усилением власти губернатора Александрии с титулом августалия, которому предоставлена была военная власть «ради многочисленности населения Александрии» с подчинением ему всех военных сил как в городе Александрии, так и в двух Египтах [5].

В самом конце VI в., именно при Маврикии (582–602), отмеченная тенденция в отступление от римской системы распространяется в ином направлении с большей последовательностью, чем в юстиниановскую эпоху. Именно в двух провинциях, отдаленных от центра и поставленных в исключительное положение вследствие того, что население этих провинций было совершенно чуждо византийской культуре, организованы были наместничества с наименованием экзархатов. Такая административная реформа была произведена в Италии и Африке. По случаю вторжения в Италию лангобардов от империи отошли почти две трети итальянской территории, и оставшиеся по большим городам гарнизоны едва могли держаться под защитой стен. Чтобы усилить и централизовать военную власть в Италии, создан был экзархат со столицей в Равенне в замену прежнего *magister militum*. По таким же побуждениям и почти в то же время образован экзархат в Африке с центральным управлением в Карфагене. Военные средства, какими располагал Ираклий в 610 г. при походе своем в Константинополь, достаточно объясняют, в какой степени самостоятельна и независима была власть экзарха [6]. Нельзя не признать, что в учреждении экзархата сказалась большая практичность и административная опытность правительства, которое сумело поставить в надлежащие границы гражданскую и военную власть в экзархате, предоставив решающую роль военной власти, но не лишив надлежащей компетенции и гражданские чины. В организации экзархата важно отметить прекрасный опыт создать самостоятельную и самодовлеющую административную единицу, в которой все части находятся в соподчинении и которая исполняет военные и гражданские функции на счет материальных средств, извлекаемых в данной провинции. Прежде чем переходить с

указанными наблюдениями ко времени Ираклия, напомним, что первоначальная роль Фоки в военном лагере на Дунае имела целью, по-видимому, также образование экзархата, если только у Феофана, говорящего об избрании его войском в экзархи, не допущено ошибки [7].

Когда Ираклий в 622 г. предпринял поход в Персию, он остановился на довольно продолжительное время в областях, получивших уже фемное устройство, и производил здесь обучение новобранцев новой системе военного искусства. Здесь в первый раз мы встречаем термин «фема» с совершенно особым техническим значением применительно к гражданской и военной администрации византийского государства. Думают, что фемное устройство начатками своими обязано реформам Юстиниана и что в организации экзархатов можно находить некоторые элементы того же фемного строя, хотя едва ли можно отстоять это мнение во всех подробностях. Положительных свидетельств писателей по отношению к фемному устройству, столь характерному для Византии, к сожалению, не сохранилось. Когда император Константин Порфирородный (911–947) стал собирать в архивах империи сведения по вопросу о фемном устройстве, он нашел весьма мало точного и достоверного и поэтому ограничился обозначением современного ему административного деления империи на фемы. До какой степени недостаточны были найденные Константином сведения, видно из той неуверенности и крайней осторожности, с которой он предположительно возводит это учреждение к имени Ираклия. Так, о феме Армениак он выражается следующим образом. «Кажется, можно думать, что она получила таковое наименование при царе Ираклии и в ближайшее за ним время» [8]. Точно так же в предисловии к сочинению о фемах он с большей уверенностью сводит на время Ираклия и его преемников новую систему фемного устройства [9].

Хотя вопрос о фемах с точки зрения их происхождения в самое последнее время был тщательно изучаем профессорами Дилем и Гельцером [10], но в нем остается еще достаточно невыясненных сторон. Исследователи византийского фемного устройства исходили из той мысли, что под фемой разумеется военный отряд – дивизия или корпус, расквартированный на известной территории и состоящий в определенной военной организации и соподчинении частей под командой военачальника с званием стратига. Между тем, при более внимательном изучении источников, нельзя не приходиться к заключению, что хотя фема обозначает в тесном смысле корпус или дивизию, но, с другой стороны, этот термин никогда не утрачивал своего первоначального более широкого смысла. Первоначальный смысл фемы обозначает гражданский административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающие разнообразные государственные повинности, в числе коих и военно-податную. Отношение фемы как военного термина к феме – административному округу с его административной, судебной и финансовой системой – оставалось малозатронутым, почему и само исследование фемного устройства теряло значительную долю своего общеисторического интереса. В смысле учреждения, возникшего в VII в. и развившегося при Исаврах, фемное устройство обозначает особенную организацию гражданского населения провинции, приспособленную специально для отбывания военной повинности. Таким образом, раскрыть историю фемного устройства – значит выяснить меры правительства по отношению к землевладению и к земельному устройству крестьянского населения, т. к. военно-податная система, в конце концов, основывалась на организации военно-податных земельных участков [11].

Не входя здесь в изложение подробностей, ограничимся анализом одного места [из сочинения] Константина Порфирородного, которое вводит в самое существо фемного устройства: «Протоспафарий Феодор Панкрати берет подряд на вербовать в азиатской феме в селении Платаниаты и в ближайших деревнях 500 ратников, способных к стрельбе и годных к конной службе. Если ратники окажутся владеющими полным земельным наделом, то обязываются на собственный счет сделать кавалерийское снаряжение, если же надел их недостаточен, то они имеют право на получение коней с казенных конских подстав или взять их с

одинок — соплательщиков анатолийской фемы» [12]. Это место, в котором есть несколько технических выражений, вскрывает явление, до сих пор остававшееся незамеченным, что существо фемного устройства заключается не в военных отрядах, имевших расположение по городам и селениям, а в самом характере экономического и земельного устройства сельского населения. Итак, названному выше протоспафарию предстояло произвести имущественную перепись в определенной местности и сделать военный набор в 500 ратников. Если бы оказалось, что по своему имущественному положению селение Платаниаты не в состоянии выставить требуемое число новобранцев, то следовало подвергнуть переписи другие селения. Далее, т. к. предстояла задача некоторых ратников зачислить в пехотные, других в кавалерийские полки, то здесь возникали некоторые специальные условия, с которыми нужно было соображаться.

Служба в пехоте была дешевле, следовательно, для пехотинца требовалось более скромное имущественное положение; служба же в кавалерии была дороже, и потому в кавалерию назначался тот, у кого земельный надел был больше. Таким образом, если новобранец имел полный надел, соответственный конной службе, то был обязан на собственный счет приготовить кавалерийское снаряжение; в противном случае конь выдавался ему с конской казенной подставки или с одинок-соплательщиков, под которыми следует разуметь одинок по семейному положению, отбывающих военную повинность по системе складчины — один ратник с нескольких крестьян.

Главная заслуга византийского правительства заключалась в том, что при введении фемной организации оно поставило военную службу в зависимость от землевладения, чем и обусловливались устойчивость и живучесть фемного устройства. Служба положена с земли, и обыватель служил в таком отделе войска, какому соответствовал земельный участок, находившийся в его пользовании. Соответственно тому были участки для пехотной службы, для кавалерийской и морской. Таковы основные черты фемного устройства, которое своими начатками относится ко времени Ираклия.

Судить о том, в какой местности прежде всего применено было фемное устройство, мы лишены возможности. Несомненно одно, что в 622 г., при выступлении в первый персидский поход, Ираклий от Никомидии направился в области с фемным устройством и здесь производил обучение новобранцев. Впоследствии здесь была фема Опсикий, служившая охраной столицы и прилегающих местностей, и потому можно бы с некоторым основанием первые распоряжения по отношению к фемной организации приписывать ближайшей к столице области на азиатской стороне. Но впоследствии при ближайших преемниках Ираклия особенное значение приобрела фема Анатолика. Об организации и происхождении этой фемы сохранились притом более пространные сведения. Уже при Маврикии здесь находим первые мероприятия к усилению военной власти. Стратигу Анатолики, в каковом звании видим Филиппика, женатого на сестре Маврикия Гордии, подчинены были провинции Азия и Лидия и части Карики, Фригии, Ликаонии, Писидии, Каппадокии и Исаурии. Это была самая главная фема, и ее стратиг в чине патрикия занимал одно из высших мест по табели о рангах. Подчиненный ему военный корпус, по приблизительному расчету в 10 тыс. человек, часто играл роль в политических судьбах Константинополя.

Другая фема, образовавшаяся также еще до Ираклия, это фема Армениак. Военная организация этих фем постепенно выросла в VII в. под давлением обстоятельств, т. к. Анатолика и Армениак находились на постоянном военном положении вследствие возрастания могущества арабов и набегов их на Византию. Что касается европейских провинций, здесь прежде всего организовалась в фему Фракия, в которую вошли диоклетиановские провинции: Европа, Родоп, Фракия, Эмимонт, Скифия и Мизия. Хотя при Ираклии на Балканском полуострове произошли большие перемены вследствие ослабления аваров и установления мирных отношений со славянами, которым были уступлены на известных условиях занятые ими области, тем

не менее стратиг фемы Фракии с подчиненными ему военными силами имел громадное значение, потому что на место аваров в VII в. начинает расти на Балканском полуострове сила и влияние болгарского хана. При полном развитии фемного устройства в империи насчитывалось 26 военных округов с одинаковым устройством.

Глава II

Завершение славянской иммиграции.

Легенда о поселениях хорватов-сербов.

Само. Общая схема древней истории славян

Как мы видели в одной из предыдущих глав, к царствованию Ираклия следует относить завершение иммиграции славян в империю, окончательное утверждение их на Балканском полуострове и первоначальные формы политической и гражданской организации их как в пределах Византийской империи, так и в ближайшем с ней соседстве. Самым выразительным свидетельством к характеристике политического положения дел в первой половине VII в. служит известие Исихора Севильского от 615 г.: «Славяне отняли у римлян Грецию, а персы – Сирию, Египет и многие другие области». В частности, что касается Балканского полуострова, здесь совершился ряд событий первостепенной важности, которыми на долгое время обусловлен был ход славянской истории и которые имеют настолько важное значение для истории Византии, что необходимо требуют себе видного места в изложении событий описываемой эпохи.

Оценивая главные источники для первоначальной истории славян, следует приходить к выводу, что известия Прокопия, Маврикия и автора сказаний о чудесах св. Димитрия не могут относиться к одному и тому же племени, т. е. что анты и славяне древних источников имели между собой существенное различие не только по месту жительства, но и по чертам быта. Весьма вероятно, что черты славян в описании Маврикия, указывающие на привычку жить в лесах и болотах, относятся к тем славянам, которые жили на северо-востоке; к ним же следует отнести и сентиментальное описание трех гусяров, приведенных в стан Маврикия, и того народа, из которого они происходили. Здесь, конечно, мы имеем перед собой отголоски легенды и следы преданий, принесенных в Константинополь служилыми людьми славянского происхождения, поступившими на службу или к византийским военным людям, или к правительству в качестве наемной дружины, или федератов. Это рассказы об отдаленных славянах, с которыми Византия едва ли приходила в непосредственные сношения. Независимо от подобных легенд, которые потом найдут себе место в сочинении Константина Порфирородного, византийская историография сохранила сведения, хотя и не так подробные и проверенные критикой, как бы то было желательно в настоящее время, но достаточно реальные и относящиеся именно к тем славянским племенам, с которыми византийскому правительству чаще всего приходилось иметь дело на Балканском полуострове. Наиболее удовлетворительными остаются наши сведения о тех племенах, которые образовали болгарский народ. Постановленный и географическими, и историческими условиями в такое положение, которое влекло его к югу и северо-востоку, болгарский народ естественно подчинился культурному влиянию Византии и с помощью завоевательного тюркского элемента развил в себе те начала, каких недоставало славянам: военное сословие, центральную власть хана и национальную Церковь.

Выше мы привели сказание о Кувере, которому следует приписывать большое значение. Но кто был Кувер и в каких событиях принимал он участие? Т. к. в сказании подразумевается первый удар, нанесенный аварскому могуществу славянами, то без колебания можно признать, что здесь идет речь о времени Ираклия и ближайшим образом о событиях, последовавших за осадой Константинополя в 626 г. Затем, хотя автор имеет смутное представление о последовательности событий и о центре, из которого исходило антиаварское движение, тем не менее он стоит на почве вполне реальных отношений, которые выясняются из других источников.

В истории патриарха Никифора (IX в.) находим следующее известие о тех же событиях: «В то же время поднял восстание против аварского кагана Куврат, двоюродный брат Орхана, властителя уногундунов, и, стеснив его народ, изгнал из своей страны. Он послал посольство

к Ираклию и заключил с ним мир, который соблюдаем был с той и другой стороны до конца их жизни. Император послал ему дары и почтил достоинством патрикия» [1].

Отметим здесь три факта: 1) Куврат поднял восстание против кагана; 2) был в союзе с Ираклием; 3) получил от империи достоинство патрикия. Что касается странного термина уногундуры, то несколько ниже у того же автора находим объяснение, что здесь разумеются болгаре [2]. Следует думать, что Кувер сказаний о чудесах св. Димитрия и Куврат, или Коврат, патриарха Никифора есть одно и то же лицо, потому что роль, им приписываемая, вполне совпадает и по существу дела, и в хронологическом отношении. Некоторый свет на те же отношения и на то же лицо бросает новый памятник, именно хроника Иоанна, епископа Никиу (в Нижнем Египте), жившего в VII в. и пользовавшегося так же, как и автор занимающего нас сказания, утраченными для нас материалами [3]. Говоря о событиях, последовавших за смертью Ираклия, именно о внутренних смутах, вызванных вопросом о престолонаследии, епископ Иоанн вводит в изложение этих событий и Куврата, т. к. было мнение, что этот последний поддерживал партию вдовы Ираклия: «Куврат, князь гуннов и племянник Орхана, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с Ираклием I и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и его супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников. Говорили, что он поддерживал права детей Ираклия и был против Константина. Вследствие этих слухов византийское войско и народ подняли восстание» [4].

Не приписывая особенного значения месту у писателя Феофана, где поминается это имя [5], т. к. здесь источником служил патриарх Никифор, мы должны прийти к заключению, что сообщаемые анонимным писателем о чудесах св. Димитрия сведения отличаются большей подробностью и именно в таких существенных сторонах деятельности Кувера, которые не затронуты ни у греческого, ни у эфиопского историка, хотя, с другой стороны, у этих последних есть факты, оставшиеся неизвестными или почему-либо спутанными у первого.

В смысле характеристики деятельности Кувера в нашем сказании есть достаточно яркий материал, но, как сказано выше, лишенный хронологической почвы и систематичности. Автор несколько раз указывает на то, что князья окружавших Солунь славянских племен приняли греческую культуру, усвоили себе греческую одежду и язык: таков был князь ринхинов Первунд [6], таков Мавр, лицо, приближенное к Куверу и обладавшее знанием как греческого, так славянского и болгарского языков [7], но не сообщает ничего подобного о Кувере, хотя этот последний еще больше был проникнут греческим образованием, чем первые. Есть лишь одна сторона, на которой сближается наш автор с епископом Иоанном из Никиу, именно оба они одинаково объясняют успехи Кувера в борьбе с соседями тем, что в пользу их были христианская вера и святое крещение.

Переходим снова к сказанию о чудесах. Наиболее оригинальным и совсем не затронутым другими источниками известием следует признать то, что после одержанных над аварами побед Кувер со своим народом перешел Дунай и завладел Керамисиевым станом в греческой стране, откуда начал угрожать разным городам империи, между прочим Солуни и царственному городу Константинополю. Как объяснить этот любопытный факт? И прежде всего что разуметь под топографическим термином Керамисиев лагерь?

Прежде всего нельзя не отметить то наблюдение, что у писателя неодинаково пишется этот термин, что дает основание предполагать, что он и для самого писателя был не столь обычным, т. е. что это не греческий, а иностранный и, может быть, болгарский термин. Что место военного расположения, стоянка или лагерь древних болгар, имело название *κάρμιος* на официальном языке, это прекрасно засвидетельствовано надписью Омортага [8], где так названо расположение болгарского стана в Плиске со столицей хана и его двором: *εις της Πλοκας του κάρμιου μένοντα*. Как до сих пор не может быть разъяснено, какому языку принадлежит слово

Πλοκάς, или Плиска, так и по отношению к термину Κεραμῖσιος нам не следует крепко держаться за латинский и греческий язык, для которого термин вполне чужд. Предположение, что выражение «Керамисиев стан» должно быть объясняемо не из греческого языка, может находить себе некоторое подтверждение и в том, что керамисианами наш автор называет спутников Кувера, поселенных в захваченном им месте по переходе через Дунай, и что этот термин иногда употребляется в связи со славянами. Нельзя также не привести здесь себе на память имя болгарского хана Кормесия, жившего в начале VIII в. [9] Признаемся, мы даем лишь соображения и делаем догадки к объяснению довольно необычного термина. В дальнейших выводах мы склоняемся к тому заключению, что Кувер поселился со своими спутниками поблизости от Дуная и имел целью своих замыслов Восточную Болгарию, как это весьма определенно указано и в легенде. Теперь, что касается того пункта, который первоначально захватили болгаре, то здесь, не рискуя делать новые топографические расследования, мы можем идти по следам изучивших древнюю историю болгар по переселении их за Дунай. В этом отношении следует указать на так называемый Аспарухов Угол, Переяславец на Дунае и Николицельское укрепление.

Вышеизложенными данными не ограничиваются сведения о Кувере, находимые у нашего автора. Т. к. он пользовался утраченными в настоящее время источниками, то нельзя не придавать большого значения и дальнейшим его известиям. Основная мысль его состоит в том, что поселенцы Керамисиева стана стали посягать на Солунь, Константинополь и города Фракии и что исполнителем этих замыслов они избрали именно Кувера, назначив его своим князем и каганом. В дальнейшем излагаются сношения Кувера с императором, имевшие результатом два важных для болгар условия: а) разрешение оставаться в занятой земле и б) право собирать дань с дреговичей.

Все это весьма правдоподобно и не встречает никаких опровержений в вышеуказанных других памятниках, согласно которым Кувер находился в весьма дружественных отношениях с Ираклием и получил от него сан патрикия. Наш автор дополняет лишь сведения о Кувере указанием на самый капитальный факт, из которого выросло могущество болгар, именно на постепенное порабощение славянских племен, раньше здесь поселившихся. Где собственно сидели дреговичи, этого нельзя определить из слов нашего памятника, ибо выражение «не так далеко» еще не может быть доказательным. Но нельзя не придавать цены тому сообщению, что болгаре, ходя за данью к славянам, расспрашивали их о Солуни и узнали, что она находится не так далеко, и многие из лиц ромэйского происхождения начали переходить с женами и детьми в Солунь, а отсюда епархом города препровождаемы были в Константинополь. Здесь снова автор обращается к Куверу, которому не могли нравиться перелеты из его лагеря в Солунь и который принял вместе со своими советниками следующее коварное решение. «Оказалось важным подыскать среди приближенных к Куверу архонтов такого, который, отличаясь и в прочем превосходством и искусством, имел бы знание ромэйского, славянского и болгарского языка и изодрен был во всякой демонической хитрости. Он должен притвориться повстанцем и, подобно прочим, искать прибежища в богоспасаемом городе, притворно выдав себя за верного слугу нашего царя, и ввести с собой к нам много своих приверженцев и затем взять город, возбудив в нем внутреннюю войну. Все это предполагалось сделать с той целью, чтобы облегчить для названного Кувера способ завладеть городом вместе со своими приближенными и прочими архонтами и, утвердившись в нем, вооружиться против окрестных племен, подчинить их своей власти, идти войной на острова и на Азию, и на самого царя».

Указанная писателем махинация, так хорошо придуманная, была возложена к исполнению на некоего Мавра, который в точности исполнил все поручение и обманул доверие как архонтов города, так и самого императора. Последний пожаловал ему почетное звание ипата и назначил стратигом всех тех пришлых людей, которые убежали из стана Кувера³.

³ Место имеет значение с точки зрения византийских древностей и представляет собой доказательства тому, что у автора

Таким образом, с передачей части военной власти наиболее опасному для спокойствия города лицу, которое было притом орудием Кувера, для осуществления плана болгар открылась полная возможность. Вновь назначенный стратиг избрал из своих единомышленников кентархов, пентиконтархов и декархов⁴, и его оплиты держали в городе стражу днем и ночью, получая содержание от казны. Предполагалось воспользоваться великим днем Страстной субботы, когда все население будет в церквях, чтобы поджечь город и, пользуясь наступившей смутой, захватить его. Прибытие греческого флота к городу расстроило замыслы предводителя болгар, и сам Мавр впал в тяжкую болезнь.

Наконец, вследствие приказаний императора Сисинний посадил на корабли часть упоминаемых керамисианцев, а сам Мавр с перебежчиками представился императору и был назначен им князем [10].

В приведенном сказании о Кувере есть еще одна черта, вскрывающая обычный прием Византии по отношению как к славянам, так и к другим варварам. Какая цель была прибытия Сисинния с флотом? По всему видно, что прибытие морских судов в Солунь не стояло в связи с замыслами Кувера и Мавра, а имело другое значение. Флот имел целью содействовать переходу болгар и славян из Керамисиева стана в Солунь, а отсюда в Константинополь. И когда выяснилось число охотников, желавших перейти к византийцам из Константинополя, то были отправлены транспортные суда в Солунь с целью посадить на них славян. Из дальнейшего видим, что правительство назначило им своего князя и предоставило им земли для поселения. Таким образом, мы должны принять, что в Солуни происходила систематическая вербовка охотников колонизовать свободные земли. Органами и посредниками в сношениях между правительством и варварами были принявшие греческую культуру старшины, из которых назначались и устроители колоний. Ниже мы будем иметь случай видеть, что преемники Ираклия в обширных размерах применяли намеченный здесь способ поработать варваров и пользоваться ими как для заселения свободных земель, так и для усиления военных сил государства. Рядом с развитием фемного устройства усиленно шла колонизация европейских и азиатских областей новыми народами.

Доселе мы обращали внимание исключительно на северо-восток и юг Балканского полуострова. До времени Ираклия в область наблюдения тогдашней летописи вступают лишь те славянские племена, которых поселения и воинственные набеги простираются на запад по Дунаю до впадения в него Тиссы. Сингидун, ныне Белград, есть крайний предел распространения сведений о славянах в доступных нам источниках. Фракия и Македония, Фессалия и Греция и некоторые острова стали доступны славянской иммиграции. Подразумеваемая часть славян в культурном отношении стала в тесную зависимость от Византии и с большей или меньшей готовностью в лице своих племенных старшин начала служить политическим интересам византийского государства. Элементы образования государственности и общественная организация исходили, однако, не от Византии, но от тюркского племени, пришедшего из-за Дуная и подчинившего себе часть славян, занимавших северо-восточную половину Балканского полуострова.

Что касается западной части полуострова, то происходившее здесь передвижение народностей остается в высшей степени малоизвестным. Вообще о славянах за пределами сферы влияния Византии или почти нет известий, или передаются легенды и сентиментальные повествования, не имеющие исторического значения. Самым живым фактом по отношению к западной части полуострова нужно признать вырвавшийся у знаменитого папы Григория Великого вопль в письме к епископу Салони Максиму от 600 г.: «Славянский народ смущает

были под руками официальные акты: ο παντων ευεργέτης – λόγον εγγραφον στέλλει τούτοις προς τιμην πέμψας ωρατίονα υπάτου τω αυτω Μαυρω και βάντον φιλοτιμίας χάριν, κελεύσας πάντας τους εκ των του λεχθέντος Κούβερ Κερμησιανους αποφυγους υπ αυτον τον Μαυρον γενέσθαι... και αυτος τούτων ο στρατηγος υπηρχεν.

⁴ Начальники над 100, 50 и 10.

меня и огорчает: огорчаюсь, ибо соболезную вам, смущаюсь, ибо славяне из Иллирии стали уже проникать в Италию [11], но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее».

Движение славян на запад Балканского полуострова к Адриатическому морю закончилось тем, что к началу VII в. вся Далмация, за исключением приморских городов с римским населением, оказалась во власти славян. О начале этого движения, шедшего, по всей вероятности, вместе с аварскими вторжениями, очень сухие известия сохранились у латинских и восточных писателей, которыми, однако, утверждается тот факт, что рассказ Константина Порфирородного о движении сербов и хорватов в Далмацию в последние годы Ираклия носит на себе легендарный характер [12]. Ибо не подлежит сомнению, что славяне уже в III в. были на Драве и Саве и что в VI в. начали те же славяне проникать и в Далмацию, а к началу VII в. угрожали уже Италии [13].

История расселения славян по побережью Далмации, конечно, предполагает уже господство их на Саве и Тиссе и должна быть рассматриваема как последняя волна движения их на запад по матерiku. С этим вопросом стоит в связи весьма крупный и доселе еще не разъясненный историко-литературный факт, которого нельзя здесь не коснуться. Это известие Константина Порфирородного о переселении сербов и хорватов в земли, ныне обитаемые этими народами. С упомянутым известием в тесной связи находится также вопрос о происхождении югославянской ветви славянского племени.

Четыре главы сочинения Константина об управлении империей (гл. 29, 30, 31, 32) [14] составляют до сих пор не разрешенную еще загадку в историографии. Содержание этих глав, кратко говоря, в следующем. В первой, между прочим, идет речь о взятии Салоны, важного города Далмации, варварами, которых автор называет славянами и аварами [15]. Захватив Салону, эти варвары утвердились затем в Далмации, прогнав из нее старое римское или романизованное население. Факт завоевания Салоны Константин ставит в хронологическую связь с переселением сербов и хорватов на Балканский полуостров в царствование Ираклия. Т. к. авары с половины VI в. действительно господствовали на Дунае и Тиссе, владели Паннонией и имели в подчинении некоторые славянские племена, то в общем известие Константина, как имеющее внешнюю вероятность, считалось основным источником для ранней истории сербов и хорватов. Можно бы задуматься разве над тем обстоятельством, что такой основательный ученый, как император Константин, имевший в своем распоряжении государственный архив и многообразные способы осведомления, позволил себе допустить смешение этнографических терминов и безразлично употребить слова «аваре» и «славяне». Но, не останавливаясь на этом, выделим из 29 главы самое существенное в смысле общего исторического факта: Далмация захвачена в царствование Ираклия теми хорватами, которые переселились из ранее занимаемой ими страны, называемой Белохорватия.

В следующих двух главах снова повторено повествование о захвате Салоны теми же варварами, затем помещен рассказ о хорватах. От хорватов, обитавших за Баварией, отделился один род и пришел с народом своим в Далмацию, которую освободил из-под власти аваров и подчинил себе. В довольно несвязном и спутанном повествовании настойчиво проведена мысль, что хорваты заняли бывшую под властью аваров землю с ведома и согласия императора Ираклия.

В 32 главе идет речь о движении сербов из страны, называемой Белосербия; точно так же, как и хорваты, эти последние, также с согласия царя Ираклия, получили для обитания свободные земли, занимаемые ими до настоящего времени: Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. В частности, следует заметить, что по воззрению Константина сербы и хорваты были два пограничных племени, занимавшие большое пространство за Дунаем и Карпатами, нынешнюю Чехию, Моравию и Галицию. Белохорваты составляли восточную ветвь, белосербы – западную.

Сообщение Константина, определяющее как географические пределы распространения хорватов и сербов, так и хронологию заселения ими той территории на Балканском полуострове, которая доныне носит их имя, составляет единственный источник, из которого можно отправляться в этом основном вопросе сербохорватской археологии. В оценке этого сообщения образовались в науке два направления, из коих одно поддерживает Константина, другое смотрит на его известие как на легенду, составленную для объяснения реального факта, происхождение которого в X в. было забыто. Именно, в X в. географически и этнографически образовалось отдельное политическое тело с именем хорватов, которые на севере распространялись до Истрии, на востоке – до течения р. Вербас, на юге – до Антивари. Это вообще была приморская страна, которая в X в. имела уже за собой блестящую эпоху, т. к. Константин говорит, что Хорватия выставляет 60 тыс. конницы и 100 тыс. пехоты и владеет значительным флотом.

Чтобы до некоторой степени осмыслить первичные стадии истории славян на Балканском полуострове, необходимо отрешиться от приведенных в известии Константина дат и исторических сближений и ограничиться скудными заметками, восходящими к более раннему времени. Это тем более необходимо, что в связи с легендой о переселении хорватов и сербов при Ираклии получается неверное освещение и других фактов славянской истории.

Выше мы видели, что занятие славянами Далмации нужно относить к половине VI в. и что тот громадный этнографический переворот, который происходил в течение VI в. на Балканском полуострове, не мог не сопровождаться постепенным занятием славянами Паннонии и нынешней Сербии, Боснии и Далмации [16]. В удостоверение этого приводятся и филологические данные, выдвинутые, главным образом, профессором Ягичем [17]. В VII в., по его мнению, не было еще этнографического и филологического разграничения в сербо-хорватской ветви славян, и, следовательно, не может быть речи о том передвижении с севера, о котором говорится у Константина. Остается лишь невыясненным, при отрицательном отношении к известию Константина, то обстоятельство, что мысль о первичном разделении славян на две ветви, т. е. на славян и антов, засвидетельствована как древними, независимыми от Константина, источниками (Прокопий и Иорнанд), так и персидскими, происходящими также из более раннего времени, чем известия Константина [18].

Из предыдущего можно сделать только отрицательный вывод. Вошедшие в сочинение Константина известия о передвижении славян с севера и занятии ими Далмации в VII в. с согласия императора Ираклия не оправдываются ни ходом событий, ни другими источниками и – что всего важнее – не объясняют югославянской истории. В VII в. в истории славян обнаруживается действительно жизненное явление: славянами сделан был первый шаг на пути образования государственного союза. И весьма любопытно то обстоятельство, что Константин не нашел в доступных ему материалах никаких следов этого движения. Имеем в виду образование княжеской власти у славян и стремление к основанию независимых княжений. Один и тот же факт намечен в двух направлениях, но в том и другом случае основным мотивом к возвышению военной или княжеской власти является освободительная борьба против аварского господства. Прежде всего разумею житие Димитрия Солунского, где читается рассказ о Кувере, которого аварский каган назначил князем над подчиненными ему славянами и болгарами [19]. Кувер поднял свой народ против аварского хана, нанес ему несколько поражений и утвердил свое княжение на юг от Дуная, угрожая исконным греческим городам: Константинополю, Солуни и др. По связи с историей Кувера в том же источнике находим указание на способ колонизации славянами византийских областей, с предоставлением им права внутренней племенной организации под управлением своего князя. Таким образом, к VII в. обнаруживаются начатки той организации, из которой должны были возникнуть славянские племенные союзы или отдельные государства. Почему эти попытки VII в. не увенчались успехом и не сопровождались естественным процессом образования государств, это остается еще далеко не выясненным.

Между тем в тот же период и для той же цели освободительного движения против аварского порабощения образуется, по-видимому, другое зерно. Это княжение Само. О княжестве Само сохранились известия только в латинских источниках [20], между тем как византийская летопись совсем не знает об этом имени. Притом же оба названные источника не могут считаться хорошо осведомленными о славянских событиях; по одному – центр господства Само был в Чехии и Моравии, по другому – в Хорватии, вследствие чего доселе неясно, где было зерно и куда простирались границы этой первой славянской государственной организации. Не может быть сомнения лишь в том, что Само объединил славян под своей властью и начал борьбу с аварами в царствование Ираклия, т. е. приблизительно около 623 г. Но деятельность Само в границах Византийской империи осталась совершенно не отмеченной византийской летописью, а случайно захвачена Фредегаром потому, что король франкский Дагоберт должен был, расширяя свои владения на Восток, столкнуться со славянами.

Но известия Фредегара о княжении Само не выше по своему достоинству сообщений Константина. Касающиеся Само главы Фредегара слишком ясно выдают свой легендарный характер и не могут быть рассматриваемы как надежный материал ни по существу реального их содержания, ни по хронологическим приурочениям. Таким образом, останавливаясь на предположении, что в руках составителя относящихся до истории славян глав хроники Фредегара было сказание о славянском князе, который вел успешную борьбу с аварами и германцами [21], мы не находим возможным вводить рассказ Фредегара в свое изложение, как не могли воспользоваться и рассказом Константина.

Нужно прийти к заключению, что оба наши источника основываются в изложении истории героического периода славянской истории VII в. на сказаниях, до нас не дошедших. Следы этих сказаний мы видим и в летописи, и у Константина Порфирородного. Сюда относится и сентиментальный рассказ о трех славянских гусях, приведенных в стан императора Маврикия, и наивное повествование об обитаемой этими славянами стране, в которой нет железа и где не употребляют оружия. Сюда же можно причислить ответ князя Лавриты на предъявленное к нему аварами требование подчинения и дани: «Есть ли кто под солнцем, кто мог бы сокрушить наше могущество; мы привыкли господствовать, а не повиноваться чужим властителям». Таким же характером легенды или народного сказания отличаются многие места в повествовании Константина (гл. 29, 30) и Маврикия. Нет сомнения, что и некоторая часть сказания о Кувере, нашедшая себе место в чудесах св. Димитрия, также почерпнута из народных сказаний. Таким образом, весь материал, который относится к освободительному движению славян от аварской власти, носит несколько легендарный и сентиментальный характер, каким могли быть окрашены предания княжеских дружин, которым не суждено было, однако, достаточно развиться вследствие роковых для славян событий VII–VIII вв.

Не отрицая за княжеством Само важного значения в смысле утверждения славянского элемента на западных окраинах и продолжительного успешного соперничества с германским преобладанием, историк все же не может уклониться от постановки самого естественного в данном положении вопроса о том, что же в сущности представляли собой отмеченные источниками VII в. попытки образования у славян княжеской власти и начатки государственного их объединения? Здесь необходимо коснуться вопроса о культурном состоянии славян в период столкновения их с греками византийскими на юге и с итальянцами и германцами на юго-западе.

Много было говорено об историческом возрасте славян сравнительно с германцами, причем главным образом принималась в соображение хронологическая разница образования государственности у германцев и славян, т. е. целый период в 300 лет, если считаться с германскими государствами V–VI вв. и славянскими IX в. Нельзя не признать некоторой доли искусственности и произвольности в этом сравнении дат образования государств. Нужно бы доказывать, с целью оправдать разность возрастов, недопустимое положение, что славяне в V и VI вв. явля-

ются в истории на весьма низкой ступени культурного развития. Но на этом нельзя настаивать, т. к. все данные говорят за то, что славяне были уже в оседлом быту и занимались земледелием. По отношению к внутреннему быту факты языка указывают на семейно-родовой быт как на исконную форму жизни славян. Те из древних писателей, которые имели случай лично ознакомиться со славянами, отметили характерные особенности их жизни: «Все эти народы, славяне и анты, не повинуются одному повелителю, но из древности живут в димократии, поэтому у них общественные дела всегда обсуждаются на сеймах (вечах)» [22]. То же замечание несколько позднее сделано Маврикием: «Не признавая над собой чужой власти, они не находятся в согласии и друг с другом; всякий может высказывать противоречивое другим мнение; что положат одни, на то не соглашаются другие, никто не хочет уступить. Так как у них много старшин, не ладящих друг с другом, не бесполезно привлекать некоторых из них на свою сторону увещеваниями или подарками, дабы возбудить между ними распрю и препятствовать соединению их под одним вождем».

Такой быт, конечно, должен составлять большое препятствие для образования значительных племенных союзов и государственной организации. Что славяне, делавшие нападения на империю и занявшие Балканский полуостров и частью Грецию, были именно в таком семейном и общественном быту, какой отмечен приведенными выше свидетельствами, это подтверждается всей их бойкой, цветистой, многообещающей, но оказавшейся пустоцветом, а потому и бесплодной до IX в. историей. В методологическом отношении против бедности красок и скудости источников наука располагает теперь сравнительно-историческим методом, посредством коего достигается восстановление общего типа развития народов. Можно понять, что при таком направлении изучения славянской истории открытия в истории одного народа обогащают фактами историю родственных народов, т. к. оказывается весьма естественным, что черты жизни, утратившиеся или оставшиеся незаписанными для одного племени, во всей живости хранятся иногда у другого. Так, при помощи тщательного анализа фактов средневековой западной и восточноевропейской истории получилось наблюдение, что при всех сходствах в развитии общих явлений между Востоком и Западом замечаются и характерные отличия. В этом отношении прежде всего нужно указать, что древний период славянской истории на Балканском полуострове, изучаемый на основании известий, почерпнутых из наблюдений над западными окраинами Византийской империи, не может быть отделяем от своего естественного географического театра и потому должен удерживать наименование византийского периода. Здесь речь идет не о пустом звуке, не об имени, в котором в сущности мало привлекательности, а о самом содержании периода, которому усвоим данное наименование. Как в основе первоначальной истории западноевропейских народов, основавшихся в разное время на жительство в пределах Римской империи, заложены разнообразные влияния, исходившие от Рима, которые в совокупности принято называть романизацией, так и основные черты древней славянской истории в пределах Восточной империи должны были развиваться под воздействием влияний, исходивших из Царяграда, которые подразумеваются под именем византизма.

Правда, византийское влияние выразилось далеко иначе и в другом порядке, чем романское. Славянские племена не стерли византийского государства, не уничтожили империи, как это сделали западные народы с Римом, и вместо периода образования государственности на развалинах империи ограничились в течение 300-летнего периода попытками слияния с империей, и этот процесс сопровождался весьма вредными последствиями в особенности для тех племен, которые наиболее проникли на юг Балканского полуострова. С точки зрения хронологии фактам германо-романской истории, т. е. образованию государства Меровингов, или лангобардов, на восточной половине Европы следовало бы противопоставить события славянской истории, стоящие в связи с занятием Балканского полуострова, с осадой Солуни, с освободительным движением под властью Кувера и Само. Но этим противоположением так умалывается

реальное содержание славянской истории, что для спасения его была необходима или теория несоответствия исторических возрастов славян и германцев, или сентиментальная теория о мирных наклонностях славянского племени. По отношению к германской истории периода образования государственности, ограничиваясь наиболее жизненными и важными в культурном отношении фактами, в которых выражаются органическое развитие и смена идей и направлений, можно выделить некоторые основные элементы или первичные стадии, составляющие существенное содержание жизни исторических народов. Таковыми должны быть признаны: исконные особенности германского быта, отмеченные, между прочим, Тацитом; изменения в германском быту под воздействием римского права (романизация); влияние христианства и связанных с ним учреждений. Под влиянием указанных взаимодействующих сил складываются обширные политические группы и вырастает королевская власть, причем римское духовенство служит проводником римского права и романских учреждений во вновь возникших королевствах. Германская дружина – советники и соратники короля – обуславливает социальный, административный и экономический строй государств.

Перенося эти наблюдения на славян VI–VII вв., мы должны приходиться к следующим выводам. Хотя славяне не церемонились с Восточной империей, хотя их действия на окраинах империи, нападения на города и колонизация свободных мест должны бы сопровождаться тем же результатом, сознательно подготовляемым и неоднократно выраженным их вождями, что и нападения германцев на Западную империю, но этот желанный результат оказался неосуществимым. Славяне оказались слабыми в борьбе, не уничтожили Восточной империи и не заменили императора кем-либо из своих жупанов, но значительной частью вошли в состав империи, придав новые черты византизму и сами испытав разнообразные его влияния. Ясно, что при значительных сходствах внешней обстановки славянская история пошла не тем путем развития, что западная, вследствие некоторых особенных условий, которые или укрылись от внимания исследователей, или находятся в зависимости от расовых особенностей славянского племени. Не нужно забывать, что первые опыты объединения нескольких славянских колен под одной властью осуществились, по-видимому, далеко за чертой непосредственного влияния Византии, в то время как ближайшие племена долго остаются в первичной стадии жупного устройства, наблюдаемого одинаково и у тех колен, которые поселились в областях империи и приняли подданство императора.

Византии не представлялось выгодным способствовать образованию крупных центров среди славянства; напротив, самые элементарные соображения выгоды склоняли византийских государственных людей к тому, чтобы поселить рознь и вражду между отдельными коленами – жупами, поддерживая одного славянского вождя против другого. Жупное устройство по коленам, отсутствие сильной княжеской власти и постоянная борьба между отдельными коленами – вот те черты, которыми характеризуется славянская жизнь в период заселения Балканского полуострова. Старому государству с организованной военной и административной системой не стоило большого труда наложить свою руку и на такие племена, которые с оружием в руках занимали области империи. То обстоятельство, что византийские известия отмечают как наиболее отличительные черты славянской жизни отсутствие сильной княжеской власти, демократические обычаи, выражающиеся в перенесении политических и общественных вопросов на вече, решения которого необязательны для меньшинства, служит указанием, что эти формы быта наблюдались именно у тех славян, которые жили в пределах империи и старались удерживать их «в противность ромэйским обычаям». Показание Льва Мудрого, что славяне неохотно исполняют приказания чужого лица и что гораздо легче сносят несправедливости и обиды собственных старшин, лишь бы не следовать ромэйским обычаям и законам, относится, конечно, к тем славянам, которые жили в пределах империи, составляя, однако, из себя привилегированное общество, на которое не простирались имперская администрация и суд. Т. к. империя старалась не поступаться своими владениями в пользу варваров, то с течением времени все

захваты вооруженной рукой приобретали легальный характер, становясь фактом колонизации с разрешения правительства.

В актах Димитрия Солунского отмечаются случаи вербовки славянских отрядов для колонизации свободных имперских земель, для VII в. имеется ряд летописных известий, знакомящих с обычной системой правительства пересылать большие славянские отряды из Европы в Азию и давать им такое устройство, которое было бы совместно с интересами государства. Вследствие подобного приобщения славян к жизни Византии образовались между греками и славянами такие отношения, которые сопровождались неизбежными взаимными воздействиями и влияниями, имеющими обнаружиться в дальнейшей истории.

По отношению к периоду образования государств у славян нужно делать различие между теми, которые произошли естественным путем сплочения жуп и колен, и теми, которые образовались под влиянием пришлой чужеземной власти. Независимо от того громадное различие наблюдается и в исторических судьбах, и в культурном развитии между государствами, образовавшимися под воздействием германо-католическим, и теми, которые подпали под влияние греко-православного исповедания. В этом лежит зерно различия славян по культуре и религии, – различия до такой степени глубокого, что оно отразилось на всей тысячелетней истории славянского племени.

Переходя к славянским племенам, основавшимся в границах Византийской империи, мы встречаемся с явлением, которое не поддается объяснению без предварительного обсуждения вопроса о густоте славянских поселений. Принимая в соображение, что в пределах распространения славян по Балканскому полуострову сохранились до настоящего времени значительные слои старых обитателей, как албанцы, вlahи и греки, и что самые сильные волны славянского движения, добежавшие до Эгейского моря и до Мореи и частью перекатившиеся на азиатский материк, постепенно смешались и потерялись в туземных элементах, мы должны думать, что заселение славянами Балканского полуострова не имело большой густоты. При недостатке организаторских сил в своей собственной среде, при отсутствии центральной власти, которая побудила бы коленных старшин и представителей отдельных родов подчиняться общим, а не частным интересам, отдельные колена и жупы обречены были вести скромное существование, не достигнув предстоявшей перед ними государственной и национальной задачи. Можно было бы ожидать, что авары, подчинив себе занятые славянами области империи, сообщат им необходимую организацию и создадут во Фракии и Македонии такое же государство, какое удалось в VII–VIII вв. создать болгарам орды Аспаруха, но в действительности этого не случилось.

Глава III

Взятие Иерусалима персами. Вторжение в Персию в 623 г. И ряд поражений, нанесенных персидскому царю. Осада Константинополя аварами и персами. Всемирно-историческое значение персидской войны

Первые годы правления Ираклия изображаются в историографии как период наибольшего унижения и самых крупных потерь империи в Европе и Азии. Хотя положение дел на Востоке становилось более и более тревожным со времени вступления Ираклия на престол, но он долго не был в состоянии располагать достаточными военными средствами для войны с Хосроем. По-видимому, Малая Азия и Сирия оставались совсем без защиты, т. к. персы в короткое время сделали здесь большие завоевания. Так, в 611 г. завоевана была Сирия вместе с ее главным городом Антиохией, в следующем году персы вступили в Малую Азию и овладели Кесарией Каппадокийской, захватив десятки тысяч пленников и отправив их в Персию. В 613 г. полководец Хосроя Сарвар угрожает Палестине, причем был завоеван Дамаск, и скоро затем началась осада Иерусалима. В затруднительном положении, не имея ни войска, ни денег, Ираклий обратился к церковным средствам – тому источнику, из которого он пользовался и в последующее время [1].

Самым важным событием было взятие Иерусалима в 614 г. Осада и падение Иерусалима находятся в связи с еврейским вопросом того времени. Со времени Фоки против иудеев было гонение в империи, которое продолжалось и при Ираклии. Персидские успехи в Палестине и Сирии возбудили надежды евреев и заставили их искать защиты у завоевателей, под знамена которых они стекались большими толпами и возбуждали в персах фанатизм и непримиримую вражду против христиан. Этим объясняется исключительно кровавый характер следовавших за падением Иерусалима событий. Осада города продолжалась три недели. Когда, наконец, персам удалось разрушить часть стены и ворваться в город, они предоставили участь христианского населения фанатизму евреев, которые и свели здесь счеты с христианами, угнетавшими их преследованиями и презрением. Говорят, что не один десяток тысяч христиан погиб в Иерусалиме от руки иудеев, до тридцати пяти тысяч уведено было пленников. Город и храм подверглись беспощадному грабежу, при котором завоеватели руководились не только жадной добычи, но чувствами мести и религиозной нетерпимости. В особенности пострадали христианские святыни, перед утратой которых отступали на второй план и пленение патриарха Захарии, и разрушение города. Храм Гроба Господня и все постройки св. Елены были преданы пламени, драгоценная утварь, благоговейно приносимая сюда со всех стран, была расхищена, священные реликвии частью уничтожены, частью взяты победителями. Между этими последними особенно была тягостна утрата Животворящего древа креста, которое взято было персами и увезено в Ктесифон.

Постигшая Иерусалим судьба была тяжким ударом для всего христианского мира. Палестинские христиане нашли себе убежище в Александрии, где патриарх Иоанн Милостивый оказал им деятельную помощь из церковных средств. Но опасность грозила и самой Александрии, так что Ираклий чрез гражданского управителя Египта патрикия Никиту предлагал александрийскому патриарху выдать свои средства на государственные потребности, прежде чем овладеют ими персы. Действительно, в 616 г. персы переправились в Африку и завоевали Египет, патриарх и патрикий Никита принуждены были оставить свою область и спасаться в Константинополе. В следующем году отдельный персидский отряд направился в Малую Азию,

дошел до Халкидона и угрожал самой столице. Конечно, редко империя была в таком отчаянном положении.

Ведя с персами безнадежные переговоры, Ираклий видел, что нужно прибегнуть к крайним средствам, что в Константинополе нет более безопасности для византийского царя. В таком положении он пришел к решению, которое характеризует беспомощность его и истощение ресурсов: именно он решился перенести столицу в Карфаген и сделал для того приготовления. Раз принял подобное же решение Юстиниан, но царица Феодора поддержала его энергию, теперь подле императора не было советницы, подобной Феодоре, но на страже интересов империи оказался доблестный патриарх Сергей, который внушил императору твердость духа и взял с него слово употребить все силы на защиту столицы. Между тем случилось, что корабли, готовые отплыть в Карфаген с нагруженными на них сокровищами, были разбиты бурей, что признано было за проявление божественной воли.

Хотя неприятель был в виду Константинополя, Ираклий решился начать переговоры о мире. Он сам отправился в неприятельский стан и убедил персидского полководца Саита снять осаду с Халкидона. Вместе с тем снаряжено было торжественное посольство из 70 важных лиц, которому поручено было идти к Хосрою. Но посольство подверглось поруганию, как только вступило на персидскую почву; всех его членов заковали в оковы и под стражей привели пред Хосроя. Попытка вступить в переговоры не только не увенчалась успехом, но еще более раздражила греков против персов. Персидский царь в сознании своего могущества и с целью показать крайнее презрение к Ираклию приказал с Саита содрать кожу, а послов заключить в темницу. В ответ же на отправленное ему с посольством письмо говорил, между прочим, следующее: «Да не обманывает вас тщетная надежда. Если Христос не мог спасти Себя от евреев, убивших Его на кресте, то как же Он поможет вам? Если ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя!»

Вот при каких обстоятельствах предстояло Ираклию решать вопрос о судьбе своей империи. И нужно признать, что византийский царь весьма глубоко оценил значение событий и понял, что борьба с персами требует полного успокоения северной границы и что нужно во что бы то ни стало обеспечить себя со стороны Балканского полуострова. Здесь происходил этнографический переворот: во Фракии, Македонии и на побережье Адриатического моря продолжалось передвижение славянских племен, которые частью осели на новых местах, частью передвигались на юг и запад под напором аваров, народа тюркского племени. Можно думать, что утверждение аваров на Дунае и Тиссе и основание ими долговременного господства в дунайских областях, в местах славянского расселения, оказало значительное влияние на судьбы славянского племени. Хотя авары появляются как кочевая орда с хищническими наклонностями и хотя укрепленный их стан, или хринг, скорей напоминал временный лагерь, а не постоянное местожительство, но у них было хорошо поставлено военное дело, сильно развита власть военного предводителя, и для занятия военным делом они нуждались в даровом труде подвластного земледельческого населения, каковым были славяне. С конца VI в. византийская летопись, упоминая об аварских набегах и завоеваниях, постоянно смешивает авар и славян, т. е., действительно, в аварском войске славяне составляли значительный отдел. Быстрое распространение славян по Норику и Паннонии и занятие ими местности от Адриатического до Черного моря должны быть объясняемы главнейше тем, что славяне шли здесь вместе с аварами, которые в качестве организующего военного элемента дали силу и напряжение расселению славян.

Ираклию приходилось считаться с весьма серьезным положением. Иногда дорогим выкупом можно было заручиться временным спокойствием от аварского кагана, иногда возбудить движение среди славян и тем отвлечь внимание аваров к внутренним делам. Во время царя Маврикия Дунай признавался границей аварской власти, но это не мешало аварам предпринимать постоянные хищнические вторжения в собственно византийские области; при Фоке в

604 г. вновь заключено было соглашение с аварами, но оно также не обезопасило империю от набегов диких наездников. Ираклий привнес новую точку зрения в разрешение славяно-аварского вопроса. Уже не в первый раз византийским государственным деятелям приходилось решать проблему о новых народах; в V в. Феодосий отступил от старых традиций в пользу германского элемента, который в лице готского племени был принят в империю на равных правах с греками и вошел в состав войска и администрации. Эта мера вполне отвечала потребностям времени и принесла империи громадную пользу. Ираклию предстояло решить подобный же вопрос по отношению к славянам. Литературная традиция, сохранившаяся у Константина, по которой Ираклий дал разрешение сербам и хорватам на поселение их в областях империи, скрывает в себе намек на важный факт, относящийся ко времени Ираклия: именно в это время найдена была наилучшая формула, удовлетворявшая и византийское правительство, и славянские племена, занявшие Балканский полуостров, применив которую Византия вступила в тесное единение со славянами, а последние нашли благоприятное устройство под законами империи и в ее границах, на правах подданных императора.

Пока мы лишены еще возможности выяснить предварительные мероприятия для достижения указанной цели. Но не может быть сомнения в том, что Ираклию удалось разделить интересы аваров и славян и подготовить антиаварское движение на Балканском полуострове. Некоторые указания в этом смысле имеются в деятельности Кувера и в истории осады Константинополя в 626 г. Но самое важное в этом отношении основывалось на отдельных соглашениях с предводителями славянских колен, вступавшими в известные обязательства к империи и получавшими свободные земли для обитания, организованные как военноподатные участки; к этому вопросу мы еще будем иметь случай возвратиться. Путем соглашений со славянскими старшинами начата была колонизация Малой Азии, прежде всего провинции Вифинии, позволившая провести новую административную и земельную систему, с которой стоят в связи военные успехи Ираклия.

В то время как персы на Востоке делали одно завоевание за другим и отдельные отряды их угрожали самому Константинополю, столице империи предстояло испытать еще новое бедствие, происходившее от голода и язвы. Константинополь всегда зависел в доставке хлеба от Египта, Малая Азия могла служить лишь вспомогательным средством, но к 618 г. подвоз хлеба из Египта был закрыт вследствие персидских завоеваний, а на Балканском полуострове угрожала опасность от аварского нападения. К 619 г. относятся сношения Ираклия с каганом, имевшие целью заключение или возобновление ранее заключенного мира. Было условлено, что Ираклий встретится с каганом неподалеку от Длинных стен, куда простирались аварские наезды, в Ираклии (древний Перинф). Но свидание не состоялось, потому что Ираклий временно заметил подготовленную ему аварами засаду и, оставив следовавшие за ним запасы и царскую утварь, поспешно спасся в Константинополь. До какой степени слабости доведена была империя в это время, видно из того, что авары погнались за греками, дошли до самого предместья столицы, захватили громадную добычу и взяли в плен множество сельского населения. Тем не менее Ираклий находил благоразумным искать мира с аварами, потому что на Востоке дела шли еще хуже.

В 620 г. каган согласился на мир, но взял за это очень дорогую цену. Прежде всего Ираклий должен был дать заложников для обеспечения принятых на себя обязательств. В числе заложников были побочный сын его Иоанн Афаларих и племянник Стефан, сын сестры царя Марии. Кроме того, увеличено количество ежегодной дани, вносимой в пользу аваров. На этих условиях каган давал Ираклию свободу приступить к осуществлению планов его по отношению к Персии.

Начало персидского похода относится к весне 622 г. Нам следует дать себе отчет, как состоялся этот поход, какими средствами располагал Ираклий для открытия военных дел с Персией и чем обуславливался неожиданный успех его предприятий на Востоке, напомнивший

блистательные походы Александра Македонского. Прежде всего нужны были материальные средства на ведение войны, а в этом отношении Ираклий не мог рассчитывать на помощь ни европейских, ни азиатских провинций, частью находившихся на военном положении, частью занятых неприятелем. Есть известие, что и ранее этого времени он черпал денежные средства у Александрийской Церкви и употреблял их на государственные нужды; теперь та же мера применена была в обширных размерах к церквам и монастырям столицы. Хрисовулы Ираклия 612 и 619 гг., которыми ограничивалось число духовенства в храме св. Софии и предписывалась экономия в расходовании церковных сумм, подготовляли уже его последующие распоряжения насчет церковных имуществ. Просвещенный и патриотически настроенный патриарх Сергей не поставил препятствий к проведению вопроса об употреблении церковных сокровищ на военные потребности, тем более что войну с персами можно было рассматривать после завоевания Иерусалима и отнятия Животворящего древа как подвиг религиозный. Драгоценностями св. Софии не ограничивались жертвы Церкви, примеру Великой церкви последовали столичные и провинциальные епископские храмы, пожертвования коих позволили правительству начеканить достаточно золотой и серебряной монеты на потребности предстоящей войны.

Весьма характерно еще известие, сообщаемое современником [2], что всю зиму перед походом Ираклий провел в строгом уединении в одном из предместий Константинополя, занимаясь чтением военных и исторических сочинений. Перед походом принята была также чрезвычайная мера для обеспечения порядка в управлении государством на время отсутствия императора. С этой целью учреждено регентство, вверенное десятилетнему царевичу Константину, патриарху Сергию и патрикию Вону. На второй день Пасхи, 5 апреля 622 г., помолившись в церкви св. Софии, Ираклий обратился к патриарху с следующими словами: «Оставляю сей город и сына моего на попечение Божие и Богоматери и в твои руки!» Затем, взяв в руки нерукотворный образ Спасителя, служивший ему как военное знамя, Ираклий открыл поход на корабле, готовом к отплытию.

На основании ближайших событий этого похода можно выводить заключение, что из Константинополя вышла незначительная часть войска, вероятно, гвардейские части и свита императора, т. к. сбор войска и организация частей предстояли впереди. Следует вспомнить, что Константинополь находился под угрозой персидского отряда, приблизившегося к Халкидону, и что предполагаемое большинством историков движение Ираклия в Киликию и высадка в Пилах [3] едва ли соответствуют положению дела и намерениям Ираклия. Больше вероятностей в том предположении, что Ираклий высадился в Пилах в Никомидийском заливе и что именно здесь, в провинции Вифинии, были те фемы, где устроен был Ираклием защищенный лагерь и где он провел шесть месяцев, занимаясь набором войска и обучением военному делу новобранцев. Это время нужно считать употребленным весьма целесообразно во всех отношениях. Ираклий успел ознакомиться с новобранцами, обучить их военному делу и внушить им к себе доверие. Здесь уместно сделать замечание по поводу отмеченного историками отсутствия в отрядах Ираклия ветеранов. Откуда же были набраны свежие люди? Не подлежит сомнению, что главная часть новобранцев происходила из славян, которые к этому времени наводнили Балканский полуостров и содействовали к образованию фемного устройства в Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии.

Осенью того же 622 г. Ираклий пошел в Каппадокию. Первым последствием этого движения было то, что персидский вождь Сарвар, стоявший под Халкидоном, оказался в опасности быть отрезанным от сношений с Персией и принужден отступить на те же провинции, которые теперь занимал Ираклий. Здесь зимой произошло сражение, которое окончилось поражением персов и имело последствием освобождение Малой Азии от врагов. Зимой 623 г. византийские войска провели в Армении и Понте, а сам Ираклий возвратился морем в Константинополь, где его присутствие было необходимо, между прочим, и для того, чтобы побудить аварского кагана держать свое обещание о мире.

После Пасхи 623 г. Ираклий снова выступил походом в Армению. Этот поход, продолжавшийся три года, совершен был среди невероятных трудностей и напоминает во многом экспедицию Александра Македонского. Поход Ираклия происходил по тем же местностям, которые прославлены подвигами македонского героя, и ознаменован не менее редкими и исключительными по отваге приключениями. Этот гомерический поход Ираклия обозначает, независимо от всего прочего, чрезвычайно высокое развитие военного искусства в византийской армии и характеризует большие военные дарования полководца. Ираклий нашел средства для войны там, где до него не думали искать, – в Закавказье и суровой Армении, которые были избраны базисом для наступления в центр Персидского царства. Это был и по своим результатам такой военный подвиг, какого Византийская империя не знала до сих пор.

Точкой отправления на этот раз служила для Ираклия Лазика, или Колхида, где он вошел в сношения с разными кавказскими воинственными племенами, которыми усилил свое войско, доведенное до 120 тыс. Отсюда чрез Армению он вторгся в Персидское царство, именно в провинцию Атрапатену, южнее Аракса, и стал угрожать центральным владениям персидского царя. По всем вероятностям, это движение не было предусмотрено Хосроем, который позволил византийскому войску вторгнуться в Персию, сам оставаясь в главном городе провинции Ганзаке⁵. Находясь в критическом положении, персидский царь отдал приказ полководцу Сарвару поспешить в Персию и соединиться с другими там действовавшими частями; сам же с отборным отрядом, которому уже нанесено было поражение передовыми частями войска Ираклия, поспешил отступить в Месопотамию на соединение с остававшимися там гарнизонами. Между тем Ираклий овладел Ганзаком, где нашел большую добычу и богатства, но не нашел Животворящего древа, которое персы хранили в Ктесифоне. Идя по следам Хосроя, византийцы напали на город Фиварму, где истребили главное святилище огнепоклонников и огромную статую Хосроя.

Преследуя персидского царя, Ираклий овладел многими городами и опустошал страну. Наконец, наступила зима, заставившая подумать о прекращении военных действий и о зимних квартирах. Говорят, что в военном совете склонялись к двоякому решению: по одним – нужно было продолжать движение и напасть на Хосроя, по другим – возвратиться к первоначальной базе похода, на Кавказ. Любопытно, что и это решение, как и другие фазы похода, было освящено религией. Так, прежде чем отдать приказ об отступлении на север, император объявил трехдневный пост и потом, раскрыв Евангелие, в нем вычитал указание, согласно которому и поступил. Нельзя не оценить практический смысл этого решения. Избрав для зимнего расположения страну при подошве Кавказа и по берегу Каспийского моря (Албания), он обеспечивал себе возможность добывания средств к продовольствию и к пополнению убыли в людях. Дабы привлечь к себе симпатии населения, он отпустил на свободу 50 тыс. пленников, которых, впрочем, и неблагоприятно было иметь с собой на зимних квартирах. События, следовавшие в зиму 623/24 г., проследить в высшей степени трудно, т. к. в сохранившихся известиях встречаются противоречия [4].

Главным мотивом движения на север было упрочить безопасность со стороны кавказских народов, с каковой целью Ираклий начал переговоры с грузинскими и соседними мелкими князьями (лазы, авазги). Но, с своей стороны, и персы приняли меры, чтобы возбудить против него движение между кавказскими племенами. Против Ираклия снаряжены были три армии, которые имели задачей запереть его в Кавказских горах и не пропустить его снова в персидские пределы. Указанные обстоятельства заставили Ираклия, не доверяясь колебавшимся между персами и византийцами союзникам, отступить из Албании на юг и самому напасть на персов. Военные действия происходили в Армении и имели решительный характер. Двумя поражениями, нанесенными персам при Тигранокерте и при Салване, на оз. Ван, не только устранена

⁵ Развалины недалеко от Тавриза.

была угрожавшая опасность, но открыта возможность снова начать наступательные действия против Хосроя. Таковы были обстоятельства осенью и зимой 624 г.

Весной следующего года Ираклий перенес театр деятельности в Месопотамию, на границу обеих империй. По всей вероятности, движение на запад должно быть объясняемо ходом событий в самом Константинополе и известиями о замышляемом союзном нападении авар и персов на столицу христианской империи. Весной и летом 625 г. военные события происходят частью в Армении и Месопотамии, частью в пределах Византийской империи. Ираклий захватил города Амиду и Мартирополь, принадлежавшие прежде Византии и недавно отнятые персами, и послал о том извещение регентам и сенату. С целью предупредить движение персидского полководца Сарвараза в Малую Азию он продолжал движение на восток, имел с персами сражение на Евфрате и заставил Сарвараза отступить назад. В течение 625 г. Ираклий не выходил из пределов Византийской империи и на зиму снова расположился на квартирах у Кавказских гор, вероятно, в той же Лазике, где он зимовал в начале персидских походов.

Наступил самый критический момент в отношениях между Персией и Византией, на целые столетия вперед определивший дальнейшую судьбу Востока. Относительно подробностей остается еще много неизвестного и мало выясненного в событиях 626–627 гг., но общее направление широко захватывавшей политики Ираклия хорошо определяется по тем фактам, которые произошли на перифериях обширной области византийского влияния и которые способствовали окончательному падению персидского военного могущества. Персидский царь задумывал смелое предприятие – отвлечь внимание Ираклия от Востока подготовлением ему таких затруднений в Европе, которые заставили бы его оставить Армению и Персию и все средства употребить на спасение столицы и европейских владений. Для этого служил союз с аварским каганом и предположенное на лето 626 г. одновременное из Азии и Европы нападение на Константинополь. Между тем как происходил обмен сношений между Сарваразом, назначенным со стороны Хосроя действовать из Азии, и каганом, обещавшим сделать нападение со стороны Европы, попытаемся разобраться в скудных известиях о мероприятиях, осуществленных Ираклием для отражения опасного соглашения. Императора снова находим в Лазике, где он заботится об организации военных сил и где завязывает новые сношения с кавказскими племенами, вербуя между ними охотников на службу.

В смысле военных мер следует отметить то обстоятельство, что Ираклий, несмотря на критическое положение, нашел более полезным оставаться с главным войском на театре военных действий, откуда и руководил ходом дел. Т. к. Хосрой выставил два отряда, из коих один находился уже в Халкидоне, а другой под предводительством Саина должен был следить за Ираклием и не позволить ему подать помощь столице, то для византийского главнокомандующего вся задача представлялась в том, чтобы обмануть бдительность Саина и выделить часть войска на помощь столице. Эта задача была выполнена действиями особого отряда, во главе которого поставлен был Феодор, брат императора, и который, как увидим ниже, в самое критическое время оказался вблизи Константинополя. Но самой важной, по-видимому, мерой были начавшиеся тогда переговоры с тюркским племенем хазар, жившим на север от Кавказа и имевшим вскоре затем играть большую роль в Юго-Восточной Европе. С хазарами заключен был Ираклием союзный договор, по которому эти кочевники обязались сделать набег на персидские владения и, с другой стороны, держа в своей власти кавказские горные проходы, обеспечивать безопасность со стороны севера.

Свидание между каганом хазар и греческим царем происходило при Тифлисе. Из последних данных можно заключать, что союзом с хазарами Ираклий обеспечивал себе возможность похода на Персию и пополнение военных сил, ослабленных выделенными против Саина и Сарвараза отрядами.

Переходим к изложению событий, имевших место летом 626 г. Защита города и государственное управление вверены были регентству. Патриарх Сергей и патрикий Вон, бывшие

опекунами малолетнего сына Ираклия и стоявшие во главе регентства, несли на себе все бремя ответственности за текущие дела. При выступлении Ираклия в поход мир на Западе обеспечен был союзом с аварским каганом, которому обещано было платить 200 тыс. золотых, или около 800 тыс. рублей на наши деньги, и который, кроме того, заручился заложниками со стороны империи, в числе коих был побочный сын царя Иоанн, сын патрикия Вона и др. Но на верность кагана нельзя было положиться, защита города состояла в его собственных укреплениях с суши и с моря, а главное, во флоте, который стоял в константинопольских гаванях и поддерживал сношения столицы с европейскими и азиатскими городами и с островами. Во все время существования империи флот составлял ее главное преимущество в борьбе со всеми врагами; пока был в распоряжении столицы флот, она могла быть обеспечена подвозом хлеба и оружия. Зимой 625/26 г. азиатская сторона Босфора и Мраморного моря находилась во власти персов, т. к. Сарвараз захватил Халкидон и Хрисополь и опустошил прибрежные области, не внушая, однако, опасности Константинополю, т. к. у него не было военных судов. Вот почему для персов было важно, чтобы с европейской стороны вышла против Константинополя дружная союзная с ними сила и чтобы одновременным движением с востока и запада можно было принудить Константинополь к постыдной сдаче. Этот расчет был верен; с таким расчетом действуют против Константинополя турки-сельджуки и печенеги в XI в.; такой же план не раз составляли османские турки, прежде чем они завоевали Константинополь. Но всегда Константинополь спасался от неминуемой опасности со стороны Европы и Азии посредством своего флота, которого не имели окружавшие империю варвары.

Вследствие соглашения между персами и аварами на лето 626 г. предполагено было движение на Константинополь аварского кагана с подчиненными его власти славянами. В день апостолов Петра и Павла передовой отряд в 300 тыс. подступил к Длинной Анастасиевой стене и, похваляясь, что это только передовой отряд, а что главное войско идет вслед за ним, побудил небольшой византийский сторожевой отряд отступить под защиту городских стен. Анастасиева стена была пробита и перестала быть защитой для массы крестьянского населения, занимавшегося обработкой земли и культурой богатых подгородных помещичьих усадеб. Варвары раскинули лагерь близ Константинополя, высылали мелкие отряды до самых стен и отрезали город от всех внешних сношений. В городе не могло быть недостатка в военных людях, поэтому сделана была вылазка, имевшая удачный исход и стоившая жизни многим варварам.

Между тем каган дал знать посредством зажженных костров на азиатский берег о прибытии своем и послал к регентам для переговоров, а равно с целью разузнать о положении дел знатного пленного грека, патрикия Афанасия. Кагану желательно было в особенности осведомиться о том, сколько ему заплатят, если он согласится отступить и даст обещание дружбы. Патриарх и патрикий Вон употребили все средства, бывшие в их распоряжении, чтобы доказать неуместность предложений кагана и ошибочность его взглядов на положение дел в Константинополе. С этой целью обратили внимание аварского посланца на те военные отряды, которые составляли гарнизон столицы, и доказывали, что с этими средствами и с той милицией, какой располагали городские димы, город не только мог хорошо защищаться против нападений, но и предпринимать вылазки. При таком настроении правительства казались совершенно недопустимыми требования кагана выдать ему все хранящиеся в городе сокровища и его угроза в противном случае взять город силой и жителей обратить в рабство. Т. к. при подобных условиях невозможно было прийти к соглашению, то каган приступил к осаде города, имея притом основательную надежду на содействие со стороны персидского войска, расположившегося в Халкидоне, в виду Константинополя. Правда, сношения между аварами и персами не были допускаемы достаточно численной византийской флотилией, бывшей в распоряжении регентства, и только зажигаемые на малоазийских холмах костры да горящие византийские усадьбы на берегах Босфора и Мраморного моря обозначали область, занятую неприятелями.

К 29 июня каган приблизился к осажденному городу со своими главными силами, значительную часть которых составляли славяне Балканского полуострова. Если не говорить о части города, обращенной к морю, которая пока не подвергалась опасности, то со стороны суши наиболее важным в смысле нападения и опасным в смысле защиты было то место сухопутных стен, которое находится между Адрианопольскими воротами и Пушечными (Топ-капу), или Романовскими, воротами. Сюда направлялись главные удары со стороны всех, когда-либо угрожавших Константинополю со стороны суши; здесь происходили наиболее ожесточенные схватки и во время турецкой осады в 1453 г. Каган сосредоточил на этом месте главные силы и с утра до ночи посылал новые и новые отряды славян, которые своими телами постепенно наполняли глубокий ров перед стенами. Но т. к. все нападения были с успехом отбиваемы, то понадобилось прибегнуть к тяжелым орудиям, т. е. к устройству передвижных башен, с которых можно было бы бить стены машинами. Каган построил с этой целью на указанном пространстве 12 искусственных сооружений, по высоте равных со стенами города, с которых пытался бить стены и поражать защитников осаждаемого города. Тогда в первый раз применен был со стороны Византии знаменитый греческий огонь, которым были истреблены аварские сооружения. Мы будем иметь случай впоследствии остановить внимание на этом новом для своего времени военном изобретении, давшем грекам на долгое время преимущество перед их врагами и остававшемся их государственной тайной; теперь же заметим, что это изобретение, сделанное в византийском флоте, с успехом применено было против деревянных сооружений, при помощи которых каган думал завладеть городскими стенами.

Желая воспользоваться произведенным впечатлением, патрикий Вон отправил в аварский стан посольство с предложением выдачи дани, как это было условлено самим Ираклием, но каган дерзко настаивал на требовании, чтобы жители Константинополя вышли из города, предоставив аварам все свои богатства. Кроме того, каган хвалился, что он может угрожать городу одновременно и с суши и с моря. Для этой цели могли служить ему подвластные ему славяне, жившие по берегам Средиземного моря и на островах, которые владели уже морскими знаниями и были опытными моряками. У кагана, таким образом, в распоряжении мог оказаться флот, который должен был поддерживать сношения между азиатским и европейским берегами, между персами и аваро-славянами. Правда, славянские лодки во всем уступали большим и тяжелым судам византийского флота, стоявшего как в константинопольских, так и в других гаванях, но каган мог воспользоваться своими лодками одновременно со стороны Золотого Рога и вообще мог затруднить морские сношения столицы с провинциями. Это положение дела хорошо рисуется в переговорах, происходивших в первых числах августа. В лагерь аварский представились патрикий Георгий и Афанасий, логофет Феодосий, синкелл Феодор и другие лица и пытались привести кагана к более умеренным требованиям. К своему крайнему изумлению, византийские послы увидели здесь посланцев персидского полководца Сарвараза (Шахбараза), стоявшего на азиатской стороне Босфора. Каган сказал: «Вот персы предлагают послать мне три тысячи воинов; итак, если хотите, пусть каждый возьмет с собой одежду и рубашку и идет к Сарваразу: он мне друг и вас не обидит! Но город и имущество ваше принадлежит мне, а спасения вам нет, разве обратитесь в рыб и уйдете морем, или в птиц и улетите на небо. Нет вам помощи ни от царя, ни от войска его». После таких заявлений византийскому посольству не оставалось ничего другого, как уйти обратно в Константинополь.

Между тем каган приказал славянам начать действия на своих судах; ближайшая его цель была установить правильные сношения с противоположным берегом и перевезти персов в свой стан. Но предприятие его потерпело полное крушение. С одной стороны, греки перехватили персидское посольство, переправлявшееся с европейского берега на азиатский, с другой – против славянских мелких судов высланы были большие суда византийского флота, которые без труда потопили славянских матросов и уничтожили их флотилию. Таким образом, несмотря на большие военные средства и исключительно благоприятные условия, каган не мог достигнуть

преследуемой цели, между тем приближение осени и недостаток съестных припасов в опустошенной кругом стране побуждали его спешить с окончанием похода. Чтобы задержать колебавшихся в верности славян и дать войску надежду на получение добычи, он сделал еще попытку ворваться в город со стороны Золотого Рога и церкви Влахернской Богоматери, где построена магистром Воном Ираклиева стена для ограждения образовавшегося здесь за старой стеной Феодосия нового квартала. Для осуществления задуманного плана считалось полезным содействие славянских матросов, которые были посажены на свои легкие суда и переведены в самое устье Золотого Рога, – в местность, где были мост и церковь св. Каллиника и куда не мог проникнуть византийский флот. Эта часть сухопутных укреплений представляла, по-видимому, наиболее слабое место, в особенности если бы неприятелю удалось одновременно напасть с двух сторон. Но патрикий Вон предупредил выполнение этого смелого предприятия временными мерами. Именно: он расставил византийские суда по всей длине Рога от нынешнего Айван-сарая до квартала Касим-паша и приказал в ночь на 4 августа, когда авары назначили ночное нападение на город, зажечь костры в местности Влахернского квартала. Это было, по-видимому, условным знаком для славян к началу одновременного нападения на город. Но костры были зажжены с целью завлечь славян в засаду, и здесь нашли себе смерть те, которые спаслись от меча моряков, нанеших сильное поражение славянам.

Эта победа имела решительное значение в истории знаменитой аварско-славянской осады Константинополя. Она окончательно разбила надежды кагана и произвела тяжелое впечатление на союзников, которые начали поспешное отступление из аварского лагеря. Как необходимое следствие этого нужно рассматривать немедленное отступление всего аварского войска от Константинополя и начавшееся с тех пор ослабление могущества кагана. Хотя он приказал передать регентам, что скоро вернется и отомстит за причиненные ему обиды, но фактически понимал все значение своей неудачи и опустошением окрестностей города, а равно уничтожением военного запаса отнимал у себя возможность возвратиться сюда, по крайней мере, в близком будущем. К тому же времени до Константинополя дошли известия о приближении отряда, предводительствуемого братом императора Феодором. Византия праздновала освобождение от неминуемой беды молебным пением Богоматери, помощи которой приписывалось по общему убеждению спасение города.

Отступление аваров и славян от Константинополя в 626 г. должно быть оцениваемо в особенности с точки зрения современных рассказанных событий Южной и Юго-Западной Европы. Подразумеваемые события тем более имеют значения, что вскрывают первые попытки организации славян в государственное тело и носят характерные признаки образования княжеской власти, объединяющей отдельные жупы и колена под властью предводителя военной дружины. Как видно из жития св. Димитрия Солунского, каган аварский, которому в то время были подчинены славяне Балканского полуострова, решился уступить требованиям славян и дал им князя в лице Кувера; этот же замыслил восстание против аваров, для чего соединил под своей властью различные племена и начал войну с аварами. Нанеся им неоднократное поражение, он утвердился за Дунаем на местах господства аваров и начал заявлять притязание на Солунь, Константинополь и другие города Фракии. С другой стороны, ослабление аварской власти сказалось почти одновременно с изложенными выше событиями в юго-западной части Европы, также занятой славянами. Именно в Чехии и Моравии к тому времени образуется славянское княжение под властью Само.

Как бы ни были фантастичны в подробностях дошедшие до нас известия о Само и об обстоятельствах его утверждения во власти, но никак нельзя выставить основательных возражений против самого зерна сказания Фредегара. Нужно признать достаточно выразительным тот факт, что как среди славян Балканского полуострова, так и между северо-западными ветвями того же племени в первой половине VII в. возникли начала государственной организации и соединения отдельных колен под властью предводителя дружины или коленного старшины. В

последующих главах предстоит выяснить тот многозначительный факт, что эти начатки организации пропали бесследно и не сопровождались серьезными результатами для ближайшего времени. Разыгравшаяся под Константинополем драма, проведенная ближайше регентством, должна была иметь громадное влияние на ход восточной войны, которую лично руководил Ираклий. Выше было сказано, что весной и летом 626 г., т. е. во время осады Константинополя, император находился на Востоке, пополнял свои войска на Кавказе и вел переговоры с хазарами – народом, скоро имеющим играть большую роль в событиях Юго-Восточной Европы. Этими переговорами имелось в виду как обеспечить возможность дальнейших предприятий против Персии, так и приготовить для аваров затруднения в подчиненных им землях. Действовавшие против Константинополя персидские отряды оказали мало влияния на общий ход дел. Отряд Сарвараза, стоявший в Халкидоне, ограничился в сущности угрозами и опустошениями Малой Азии; отряд Саита был ослаблен братом Ираклия Феодором.

Таким образом, к осени 626 г. Ираклий мог себя чувствовать уже спокойным за участь столицы и приняться за осуществление дальнейших планов на Востоке. Прежде всего здесь имеет значение свидание Ираклия с хазарским ханом Зивилом под Тифлисом, причем произошел демонстративный обмен любезностями, предводителю хазар обещана рука дочери царя Епифания, он же выставил на помощь Ираклию 40 тыс. союзного войска. Затем Ираклий начал свой знаменитый поход в середину Персии, сопровождавшийся невероятными успехами, обесмертившими его имя. Этот поход, относящийся к 627 г., имел ближайшей целью нанести удар самому Хосрою в его собственной стране и закончился вторжением в нынешнюю Месопотамию, столь прославленную неожиданными открытиями и раскопками в истекшее столетие, выдвинувшими на очередь глубокой важности мировые вопросы. Главные битвы происходили на территориях Тигра и Евфрата, вблизи древних городов Ниневии и Вавилона.

«История исследования древней Ассирии и Вавилонии и открытия из-под земли бесчисленных храмов и дворцов этих древних государств полна особенной привлекательности [5]. Эта история так богата необыкновенными неожиданностями, так исключительна по значению и важности достигнутых результатов для различных ветвей знания и при этом так многообразно перемешана со странными приключениями всякого рода, что часто она более походит на занимательный роман одаренного богатой фантазией писателя, чем на реальное представление действительных событий и фактов. Ниневия и Вавилон! Какие блистательные имена, какие выдающиеся типы напряжения человеческой силы, духовной зрелости, религиозной глубины и благородных стремлений! Но, с другой стороны, сколь отвратительна эта история по происходящим в ней ужасным событиям, по примерам безграничной власти, неумеренной страсти к наслаждениям, нравственной порчи и позорного падения. Невежественные крестьяне пахут землю на развалинах Хорсабада и Коюнд-жука, бродячие бедуины пасут свои стада на покрытых травой склонах Нимруда и Калат-Ширгат⁶, турецкие казармы или магометанские поселки венчают вершины Ербиля и Неби-Юнус. Ничто не говорит путешественнику о погибшем блеске ассирийской цивилизации, кроме заросших куч щебня и остроконечных холмов. И при всем том еще более производят захватывающее и страшное впечатление та дикость и беспредельное опустошение, которыми отличается нынешняя Вавилония. Вся эта страна имеет вид ниспосланного Богом наказания на Содом и Гоморру. Давно уже засыпались бесчисленные каналы, которые подобно кровеносным жилам прорезывали по всем направлениям плодородные равнины и приносили радость и счастье в каждое селение и усадьбу».

Эта удивительная страна ныне привлекает к себе внимание всего культурного мира по изумительным находкам, сделанным здесь в прошедшем веке, и по живым остаткам бытовой

⁶ Ниневия, близ Мосула. Разумеются холмы, сделавшиеся знаменитыми по найденным в них памятникам ассирийского искусства.

обстановки, о какой повествуют библейские сказания. С этой точки зрения нам нельзя не коснуться положения Месопотамии в начале VII в., когда Ираклий сделал поход в пределы Персии и нанес окончательное поражение персидскому царю. Поход Ираклия в Месопотамию открылся осенью 627 г. Но откуда вторгнулся византийский царь, какая была его ближайшая цель и почему персидские полководцы допустили его перейти границу, на это мы не можем дать ответа за скудостью известий. Имея в виду, что база Ираклия была на Кавказе, следует допускать, что он шел долиной Аракса по направлению к оз. Урмию в провинции Персармения; обыкновенная в персидско-византийских отношениях укрепленная линия – Дара, Нисибии – оставалась на этот раз в стороне. Несмотря на выставленный против него персидский отряд под предводительством Разада, который, однако, не оказал особенной энергии, Ираклий смело шел вперед и в октябре месяце приблизился к р. Забу, притоку Тигра, где дал роздых утомленному трудным горным переходом войску и затем, переправившись через Забу, остановился лагерем близ города Ниневии, как замечает писатель Феофан [6]. Современники Ираклия не знали уже точного положения Ниневии, разрушенной в 625 г. до Р. Хр. и скоро забытой до такой степени, что даже лучшие писатели, как Плиний и Страбон, не могли сказать об этом городе ничего определенного. Самый близкий к занимающему нас времени писатель Аммиан Марцеллин, живший в конце IV в., упоминает о Ниневии в таких выражениях, которые ясно показывают, что хотя имя хранилось в предании, но кроме засыпанных холмов и тогда уже ничего не осталось от величественного города [7]. Здесь, в местности близ Мосула на Тигре, в декабре 627 г. произошли события, положившие основания к коренной перемене политических отношений на Востоке.

За византийской армией следом шел персидский вождь Разад, который наконец решился дать битву. За мелкими стычками передовых отрядов последовало большое сражение; оно продолжалось целый день от утра до вечера и в главных чертах описано в «Хронике» Феофана. Выбор места сделан Ираклием, и не только главное руководство битвой принадлежало самому царю, но он же стоял в середине войска и не раз вступал в единоборство с персидскими вождями. Нередко Ираклий подвергал опасности свою жизнь; наконец, под ним был ранен конь, сам он получил несколько царапин в лицо, но он вознагражден был решительной победой над персами. В битве пали полководец Разад, три подчиненные ему начальника и погибла значительная часть войска. Взята была у персов богатая добыча: 28 знамен, множество панцирей, шлемов и разного оружия. В особенности много было взято дорогих предметов в ставке Разада: золотые шпаги, перевязи, украшенные золотом и жемчугом, копье, панцирь, дорогой кафтан, наручники и седло – все это из золота и драгоценных камней.

Но т. к. персы получили подкрепление, то они сделали новую попытку задержать движение Ираклия, который, однако, искусными движениями удержал за собой выгоды одержанной победы. Здесь в руки победителей досталось еще несколько дворцов персидского царя, снабженных обильными запасами и продовольствием. Отпраздновав Рождество и Новый год в одном из дворцов Хосроя, Ираклий получил известие, что персидский царь находится в Дасдагерде, что около Багдада, и готовится вступить в борьбу. Но скоро затем получено было новое известие, что Хосрой, не считая себя безопасным в Дасдагерде, поспешно навьючил на верблюдов и мулов бывшие там сокровища и удалился в Ктесифон. «Кто бы мог вообразить, – говорит Феофан, – что Хосрой побежит пред лицом ромэйского царя из своего дворца в Дасдагерде в Ктесифон, хотя он 24 уже года не выносил пребывания в нем и перенес столицу в Дасдагерд». Победители нашли здесь 30 знамен, огромные запасы восточных товаров: много алая и большие алойные деревья весом в 70 и 80 литр, много шелку, перцу, восточных тканей, сахар, имбирь и другие товары. Кроме того, были найдены слитки серебра, шелковые одежды, а равно ковры и вышивания – все это в таком громадном количестве, что пришлось многое предать огню. Точно так же подверглись сожжению походные шатры Хосроя и передвижные портики, которые расставлялись на местах расположения лагеря, а равно колонны с царскими

бюстами. В этих дворцах оказалось множество страусов, коз, онагров, павлинов и фазанов, и для царской охоты здесь содержались львы и тигры. Богатства и диковинные вещи во дворцах персидского царя произвели на войско сильное впечатление и подняли его мужество.

В византийский лагерь стали стекаться в большом количестве содержавшиеся в персидском плену александрийцы, эдеситы и пленные из других городов. В сознании важности достигнутых результатов Ираклий отпраздновал здесь Богоявление и дал роздых людям и лошадям. Он не желал оставлять позади себя ни провианта, ни пристанища для неприятеля и безжалостно уничтожал все постройки, «дабы дать почувствовать Хосрою, какие страдания испытывали ромэи, когда он жег и опустошал их города» [8]. Дворцовые служители, захваченные в плен, показали, что Хосрой тайно покинул Дасдагерд за 9 дней до прибытия византийского войска и что бегство его было устроено в большом секрете от войска и жителей города. Все эти подробности, передаваемые писателем Феофаном, рисуют наглядно произведенное победами Ираклия громадное впечатление и готовят к роковым событиям, нанесшим непоправимый удар персидской державе.

Но движение на Ктесифон вслед за отступавшим Хосроем все же представляло значительную опасность. Мы должны вспомнить, что Ираклий имел у себя в тылу армию Сарвараза, стоявшую летом 626 г. в Халкидоне, что эта армия, соединившись с другими персидскими отрядами, которыми Хосрой располагал в Каппадокии, могла бы сделаться очень опасной для византийского, так далеко в Персию вдавшегося отряда, тем более что средства Хосроя далеко не казались исчерпанными. Вследствие указанных обстоятельств дальнейшее движение было на некоторое время приостановлено. Дальнейшие события могут быть восстановлены в фактическом отношении по письму Ираклия от 15 марта 628 г., которое было прочитано в церкви св. Софии константинопольской ровно через два месяца, т. е. 15 мая. Хотя это письмо не дошло до нас, но из него некоторые данные повторены в другом письме Ираклия, вполне сохранившемся [9].

Но прежде, чем говорить о последовавших в начале 628 г. событиях, необходимо упомянуть о ходячих в то время анекдотах, нашедших частью место в летописи. Прежде всего, ходила легенда о том, что сам Хосрой оттолкнул от себя полководца Сарвараза. Будто бы он поверил доносам на измену Сарвараза и на его сношения с неприятелем и послал доверенное лицо в Халкидон с приказанием убить предводителя, а отряд его привести в Персию. Посол Хосроя был будто бы перехвачен на дороге греками, и найденное у него письмо было показано Сарваразу, который сообщил о нем войску. Вероломный поступок Хосроя произвел весьма тяжелое впечатление на верного ему Сарвараза и заставил его изменить своему государю. Это сказание пытается объяснить тот факт, что стоявший под Халкидоном отряд ничем не заявил о себе и не произвел ожидаемой от него диверсии, но на самом деле об измене его нет положительных известий. Трудно также проверить те данные, которые касаются принятых Ираклием мер относительно движения вперед против Ктесифона, где персидский царь нашел себе убежище и где, однако, не считал себя вполне безопасным. Не подлежит сомнению то, что Ираклий в феврале и марте не продолжал наступления, а, напротив, отступил по течению Нарвы. Он надеялся, что затруднительные обстоятельства принудят Хосроя к уступчивости, и в этом настроении писал: «Своим движением вперед я стремлюсь к миру, ибо не по своей охоте предаю огню персидские селения, а вынуждаемый тобой. Прекратим военные действия и заключим мир».

Персия испытывала крайнее напряжение, началось среди народа недовольство, вспыхнула революция. Весьма правдоподобное воззрение передается у Феофана: «Хосрой взял в военную службу всех людей своих чиновников и всю прислугу свою и жен своих и, вооружив их, приказал всех отослать в отряд Разада и стать лагерем на р. Нарве в 12 милях от Ктесифона и разрушить мосты через эту реку» [10]. Неудачная война и опустошения, произведенные византийским войском, произвели свое действие: «ненависть к Хосрою возросла среди персидского народа». В феврале и марте Ираклий находился в местности Газака, в горной

цепи между Ассирией и Мидией. В это время в Персии произошел тот переворот, которого не без основания ожидал византийский император и который освобождал его от продолжения страшно утомительной войны. Вследствие общего недовольства против Хосроя произошла революция, причем власть перешла к Сирю, сыну Хосроя, который должен был озаботиться прекращением военных действий с Ираклием. После насильственной смерти Хосроя преемник его заключил вечный мир с византийским царем на условиях восстановления старой границы между империями и возвращения всех пленников с патриархом Захарием во главе. Но в глазах современников и с точки зрения Восточной Церкви неоцененное преимущество этого мира заключалось в том, что персы обязались возвратить христианам Животворящее древо креста Господня. К началу апреля 628 г. предварительные переговоры с Сироем доведены до конца, и Ираклий мог подумать о возвращении в Константинополь.

Выше было указано, что ход событий занимающего нас времени восстанавливается по письму Ираклия, отправленному в Константинополь и торжественно прочтенному 15 мая в храме св. Софии. По возвышенному настроению и тону начало письма напоминает песнопения нашего благодарственного молебствия по случаю освобождения от нашествия Наполеона: «Воскликните Богу вся земля. Работайте Господу в радости, войдите пред лице Его в веселии и познайте, что Господь есть сам Бог. Да возрадуется небо, и да веселится земля, и да наслаждается море и все в них находящееся, и все христиане, хваля и славословя, возблагодарим единого Бога, радуясь во святом Его имени радостью великою. Ибо пал высокомерный и богоборный Хосрой, пал и низвержен в преисподнюю, и истребилась от земли память его. С шумом погиб тот нечестивый, который в надменности и презрении изрыгал нечестие на Господа нашего И. Христа, истинного Бога и пречистую Матерь Его, благословенную владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию. Обратился труд его на голову его, и на вершину его сошла неправда его. Ибо 24 истекшего февраля против него начал возмущение первородный сын его Сирой, как было о том сказано в первом нашем указе⁷, и все персидские архонты с местными войсками и с теми, которые были собраны с разных стран, перешли от проклятого Хосроя на сторону его сына вместе с Гурданаспой, прежним экзархом персидского войска. Тогда замыслил этот богоненавистный Хосрой спастись бегством и, будучи схвачен и заключен в оковы, посажен в новую крепость, им самим построенную для хранения накопленных им богатств. И 25 февраля Сирой короновался царем персов, а 28 того же месяца богоненавистный Хосрой был предан жесточайшей смерти, дабы познал, что родившийся от Марии Иисус, распятый иудеями, как он писал⁸, на которого он изрыгал хулу, есть Бог всемогущий, воздавший ему согласно писанному нами. В другом же нашем указе, данном из лагеря близ Ганзака, где изложены события от 17 октября до 15 марта, мы ознакомили вас с тем, как Бог и владычица наша Богородица сверх человеческого соображения оказали содействием нам и христовлюбивым нашим воинам, и как побежал перед нами богоненавистный и позорный Хосрой от Дасдагерда в Ктесифон, и как погибли дворцы его со многими областями персидского государства, и как все это помогло Сирю начать против него заговор. После того, как мы послали этот указ 15 текущего марта с целью собрать точные сведения о Хосрое и Сирое, мы отправили в различные места нарочитых людей, которые 24 марта привели двух пленников, передавших нам донесение одного персидского протасикрита по имени Хосдаи, в котором значилось, что Сирой, провозглашенный на царство, отправил к нам его вместе с другими персами со своим письмом, и что он посылает двух упомянутых мужей вперед просить у нас охраны для его и сопровождающих его людей. Эта просьба Хосдаи была уважена. Как стало нам известно, он напуган был видом многих персидских трупов, лежащих на пути, число коих достигало 3 тысяч, и потому боялся пуститься в дальнейший путь без нашей охраны. Мы отправили 25

⁷ Этого документа не сохранилось.

⁸ Эти слова взяты из письма Хосроя к Ираклию, сохранившегося в армянской истории Себеоса (пер. Патканова).

марта превосходительного стратилата Илию, по прозванию Варсока, и друнгария Феодота с военным отрядом и с 20 запасными оседланными конями, чтобы встретить их и сохранно привести к нам. К ним присоединили и Гусданаспу Рази, персидского хилиарха, перешедшего на нашу сторону во время смуты. В том же стане близ Ганзака 30 марта получено было донесение от упомянутых Илии, Феодота и Гусданаспы, что их застигла вьюга в горах Цара и что они прокладывают себе путь с помощью персов, что по дошедшим до них слухам недалеко от тех мест находится посольство Сироя, которое из-за снежных заносов не может двинуться далее в горы. Отсюда убедились мы и христолюбивое наше войско, как водила и водит и спасает нас милость и благодать Божия. Ибо если бы мы замедлили еще несколько дней в горах Цара и если бы дождались там такой погоды, то при недостатке продовольствия в тех местах наши войска подверглись бы большим лишениям. Но по милости Божией, пришедши в область Ганзак, мы нашли здесь большие запасы продовольствия для людей и коней и могли расположиться в самом городе Ганзаке, который довольно благоустроен и имеет до 3 тысяч домов, так что в нем и в окрестностях мы могли с удобством провести значительное время. Мы провели в лагере близ Ганзака до 3 апреля, когда явился к нам Фэак от имени Сироя, которого мы приняли в тот же день и час. Он передал нам послание Кавата Сироя, царя персидского, в котором заключалось извещение о вступлении на царство и заявление о том, что он желает соблюдать мир с нами. Копию этого письма присоединяем к настоящему указу»⁹.

Ираклий оставался в Ганзаке до 8 апреля и, т. к. переговоры с Сироем обещали прийти к желательному концу, возложил дальнейшее ведение дела на своего брата Феодора и решился возвратиться в Константинополь. Возвращение императора в столицу было большим народным торжеством. Первоначальная встреча происходила во дворце Иерии, на азиатской стороне Босфора, близ нынешнего Кадикея, где была трогательная встреча отца с сыном-регентом [11]. Триумфальный вход в Константинополь происходил через Золотые ворота по Месе до церкви св. Софии.

Персидская война составляет крупную эпоху в истории Византии. Персидской монархии нанесен был непоправимый удар; образовались в мировой политике или совсем свободные, или слабо замещенные позиции, которые Византийское государство не успело за собой укрепить. Сирия и Палестина, Египет и все области, недавно перешедшие под власть Персии, возвратились к Византии, но она не обладала достаточной силой ассимиляции и не возвысилась до широких мировых задач, которые предстояли ей. Узкий национализм и религиозная исключительность, настаивавшая на признании единой догмы и жестоко преследовавшая за различия в религиозных верованиях, помешали Византии исполнить широкую политическую и религиозную миссию и открыли на Востоке свободный путь для распространения магометанства.

Церковное предание соединяет с обстоятельствами походов Ираклия в Персию следующие два празднества, соблюдающиеся доселе в практике Восточной Церкви; это, во-первых, акафист Богородице «Взбранной воеводе» и, во-вторых, Воздвижение Креста. Уже из этого можно вывести заключение о той глубине религиозного чувства, которое лежало как в основе вехенной Ираклием персидской войны, так и в настроении современного общества.

⁹ Документ сохранился в очень испорченном виде (Chron. pasch. 735).

Глава IV

Преемники Ираклия

Седьмое столетие вообще принадлежит к наименее освещенным историей эпохам средних веков. Это нельзя объяснять ни незначительностью происходивших в то время событий, ни отсутствием интереса к современным явлениям. Нет, в VII в. нарождались и частью развивались события громадной важности; достаточно указать на мусульманство, встряхнувшее весь тогдашний мир и давшее новое направление всемирной истории. Не было недостатка и в просвещенных лицах, которые понимали и могли оценить значение событий. Тем не менее нужно признать существенным признаком времени утрату идеалов, измельчание характеров и понижение талантливости в людях, которым выпадала руководящая роль в жизни... В VII в. выступают на сцену другие люди, отличающиеся от своих предшественников... Ясно, что мы имеем дело с переходной эпохой, в которую начинают иметь значительное влияние инородческие элементы, и что тогдашние государственные деятели не стояли на высоте задач, предстоявших к разрешению Византийской империи. Тем не менее было бы ошибочно высказывать такое суждение о занимающей нас эпохе, что она не представляла в себе ни живых элементов последовательного развития, ни таких зачатков органической жизни, которые в будущем не дали бы зрелого плода. Конечно, и в это время происходил обмен начал, какими живет человечество; одни теряли обязательную силу, другие нарождались и приобретали авторитет; находясь, однако, перед общеизвестным фактом, состоящим в скудости исторического материала, мы должны попытаться проникнуть в психологию событий и объяснить те настроения, которыми создавались исторические факты.

Когда Ираклий принимал последние распоряжения в обеспечение престолонаследия, дела империи находились в полном расстройстве. В течение десяти лет, которые разделяют мир с Персией от смерти Ираклия (641), и при ближайших его преемниках на Востоке произошел громадный переворот, совершенно уничтоживший былое влияние и величие Византии. Театр героических подвигов Ираклия – Персия, исконные области империи на Востоке – Сирия и Палестина, наконец, Египет и часть островов были уже отторгнуты от Византии, морская власть на Средиземном море начинала переходить к арабам, словом, произошел ряд событий громадной важности, совершенно изменивших взаимное положение исторических народов и государств. Для всего Востока и южноевропейских стран, как Италия, Франция, Испания, седьмое столетие напоминало бурную эпоху Великого переселения народов, и если внесенное арабами и славянами потрясение не сопровождалось теми же последствиями, что Великое переселение народов, то причина тому все же находится в относительной твердости военной организации империи, в новых началах, проведенных в гражданскую администрацию, наконец, в церковном устройстве христианской Церкви, которая нередко принимала на себя тяготы гражданского управления и восполняла слабость светской власти. Выставить все эти разнообразные элементы, указать их происхождение и роль в событиях составляет необходимую для нас задачу. Но для выполнения ее встречаются значительные трудности, которые мы надеемся преодолеть тем, что не будем стремиться к полноте изложения скудно освещенных летописцами и неискусно подобранных фактов, а лишь к наиболее ясной группировке и систематизации тех немногих событий, в которых выражено существенное содержание эпохи и настроение современных деятелей.

Семейное положение царского дома представляется в следующем виде. Ираклий от двух браков, с Евдокией и по ее смерти с Мартиной, имел четырех сыновей. Старший сын Константин, бывший членом регентства во время персидских походов, происходил от первого брака; остальные же: Ираклий или Ираклеон, Давид и Марин – от брака с Мартиной. Константин носил сан кесаря и принимал уже участие в политических делах, между прочим, вел войну

с арабами. Будучи уже почти 30 лет от роду, он, естественно, должен был считаться прямым наследником Ираклия. Второй по старшинству сын по имени Ираклеон происходил от второго брака, на нем почтили честолюбивые надежды Мартины, которая употребила все свое влияние, чтобы и он был назначен кесарем еще при жизни Ираклия и чтобы по смерти отца он разделял власть со старшим братом. Честолюбие Мартины шло еще дальше: она желала стоять во главе правительства вместе с своими сыновьями. Неожданная смерть Константина, случившаяся через три месяца после вступления на царство, открывала широкую дорогу для замыслов императрицы-матери, но против нее было общественное мнение, которое приписывало отраве преждевременную смерть Константина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.